

АРТУР КАДЖАР

16+

мои

дебаты

жизни

Длинный список 2020 года Премии «Электронная буква»

Артур Каджар

Мои девять жизней

«Автор»

2019

Каджар А.

Мои девять жизней / А. Каджар — «Автор», 2019 — (Длинный список 2020 года Премии «Электронная буква»)

ISBN 978-5-532-93951-6

Жизнь у армянского мальчишки не всегда солнечная, в ней есть темные пятна, странные и опасные события. Горы, путешествия, драки, скандальные проказы соседствуют с чистейшей детской влюбленностью, бабушкиным и дедушкиным теплом, крепчайшей дружбой и тем ощущением вкуса, света и запаха жизни, которое мы испытываем только в детстве. А потом мальчишка становится старше, на память опускается туман, а волшебная страна Детства уплывает куда-то далеко, открывая перед повзрослевшим юношей новые горизонты. «Девять жизней» — дополненная и отредактированная версия сборника «Матани», получившего спецноминацию премии «Электронная буква» - 2020. Книга основана на дневниковых записях, разделенных на 9 глав, каждую из которых взрослеющий герой проживает как отдельную жизнь. В романе мы увидим путь взросления, от юного мальчишки до взрослого юноши, прошедшего испытания Большим городом, возвращением на родину и Спитакским землетрясением — событием, разделившим в 1988 году жизнь целой страны на до и после.

ISBN 978-5-532-93951-6

© Каджар А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Скрипка. 1980	6
Арам. 1981	18
Ангел. 1982	27
Велосипед. 1983	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Артур Каджар

Мои девять жизней

*Книга основана на событиях из дневников,
переданных автору.*

Скрипка. 1980

– Поздравляю вас, у мальчика абсолютный слух! – объявил импозантный директор музыкальной школы после того, как примерно с полчаса помучил меня.

Он откинул со лба длинную гладкую черную челку тонкой рукой и посмотрел на маму, которая просто сияла из за гордости за сыночка.

– Так что я советую вам отдать его в класс скрипки. Она, правда, самая трудная для обучения, но ведь скрипка и... – он сделал открытой ладонью изящное плавное движение в воздухе, – королева инструментов, как говорится. Я знаю, что вы хотели его определить на фортепиано, так он и на нем научится играть, у нас обязательное обучение второму инструменту, на выбор. Зато через семь лет он у вас сможет свободно играть и на скрипке, и на фортепиано, разве не здорово? Я и сам скрипач, кстати, – с довольным видом добавил он решающий, как ему казалось, аргумент и откинулся на спинку высокого кресла.

Вот так в одночасье безоблачное небо моего детства затянули музыкальные тучи. Меня, конечно, никто и не думал спрашивать, хочу ли я играть на скрипке и согласен ли тратить добавочное время именно на фортепиано. Предполагалось, что это для моего блага и я пока еще слишком мал, чтобы должным образом оценивать такие вещи.

Так начались мои ежедневные походы в музыкалку, за исключением выходных. Собственно, походами это сложно было назвать, так как здание школы фактически примыкало к трехэтажному дому, где мы жили, только вход в нее был не со стороны двора, как у нас, а с центральной улицы. Я подружился с товарищем по несчастью, с невысоким лопоухим мальчиком по имени Марсель, которого тоже угораздило родиться с хорошим слухом. Мы встречались с ним возле дверей школы и с футлярами поднимались по крутым мраморным лестницам на третий этаж, в класс скрипки, разглядывая по пути большие черно белые репродукции в рамках, висящие на стенах.

На них были изображены очень серьезные дяди, и мы любили с Марселем медленно подниматься по лестнице и выискивать смешные фамилии под фотографиями, чтобы вдоволь нахихикаться, прежде чем учительница по скрипке возьмется за нас. Глинка, Лист, Сметана, Бах, Бизе, Мусоргский – мы все время старались найти повод для веселья, обзывая друг друга новым именем, пока не входили в маленький класс, где Раиса Аркадьевна, худая и истеричная женщина с бородавкой на щеке, обучала нас скрипке.

Класс представлял собой квадратное помещение, где напротив дверей было старое фортепиано светло коричневого дерева, соседнюю стену занимал шкаф с книгами по музыке и нотными тетрадями, перед которым стояли несколько стульев и пюпитры для нот. Рядом с дверьми была высокая вешалка на трех ножках, небольшой письменный стол и кресло. Через большое окно и балконную дверь можно было видеть и слышать свободный и радостный мир, где людям необязательно было истязать себя игрой на скрипке. Раиса Аркадьевна отличалась редкой брезгливостью по отношению ко всякой живности, держа окно и балкон закрытыми даже в теплую погоду. Одна единственная муха, комар или пчела выводили ее из себя до такой степени, что она не могла вести урок, пока мы с Марселем, открыв дверь на балкон и размахивая нотными тетрадями, не выгоняли этих тварей.

Кроме меня и Марселя, в классе училась еще Алена, старательная девочка с острыми коленками и золотистой косой. Она была о себе такого чрезвычайного мнения, что даже не утруждала себя замечать таких оболтусов, как мы, уж не говоря о том, чтобы с нами здороваться.

Мы открывали футляры и первым делом начинали натирать смычки желто красной канифолью из круглых тюбиков, которые также хранились в футлярах. От быстрых движений канифоль подтаивала и источала характерный сладковатый запах. Длинные волоски смычков

покрывались беловатым налетом, который увеличивал трение со струнами и затем постепенно отшелушивался по мере игры, оседая на черном грифе скрипки и на наших воротничках. Я и Алена сильно завидовали Марселю, у которого канифоль была лишена этого недостатка, так как была импортной, привезенной его дядей из Германии. Потом мы завязывали на шею специальные плюшевые подушечки, чтобы удобнее было зажимать подбородком скрипку, и приступали к настройке, начиная со струны «ля», пока учительница выдавала искомую ноту на пианино.

У Алены все получалось замечательно, а на фоне ее успехов мы с Марселем смотрелись крайне невыгодно и сильно раздражали учительницу, особенно Марсель.

– Неужели ты не слышишь, что это совсем не нота фа? Надо, чтобы вот так звучало! – кричала она, выстукивая на фортепиано фа. – Передвинь палец немного вперед, чтобы было фа! Да не настолько, это уже фа диез! Ну надо же таким балбесом быть! Внимательнее, сосредоточься и слушай!

Марсель старался сосредоточиться и от усердия высовывал язык, передвигая пальцы по грифу скрипки и медленно водя смычком в другой руке по струнам. С высунутым языком у него получалось гораздо лучше.

– Спрячь язык! – кричала Раиса Аркадьевна.

Марсель убирал язык и начинал снова фальшивить. Кончалось это почти всегда тем, что он получал затрещину от учительницы, совершенно спокойно это воспринимая. После Марселя учительница успокаивала свои нервы на отличнице Алене, которая на протяжении всего урока то и дело бросала на меня с Марселем откровенно презрительные взгляды.

Алена старательно водила смычком по струнам, покачиваясь из стороны в сторону, а Раиса Аркадьевна аккомпанировала ей на пианино с закрытыми глазами, одобрительно, в такт кивая головой.

Далее наступала моя очередь. У меня были так называемые постановочные проблемы. Раисе Аркадьевне невозможно было угодить, ее то не устраивала моя осанка, то – как я держу скрипку: слишком высоко или же, наоборот, опускаю низко. Но больше всего ее раздражала моя левая кисть, которой я держал скрипку, и мизинец. Дело в том, что она требовала, чтобы я не сгибал кисть во время игры, а держал ее прямой, но в таком положении у меня через какое то время деревенели пальцы, и я не мог как следует брать нужные ноты.

Что касается мизинца, предполагалось, что он должен быть горделиво оттопырен, когда не использовался, но больше минуты я его не мог удерживать в таком состоянии, и мизинец сам собой подлым образом сгибался, чем приводил в исступление учительницу. Поначалу она избрала такую тактику: с металлической линейкой стояла рядом и, как только я сгибал мизинец, она ребром линейки постукивала по нему – довольно таки больно, надо сказать.

Не добившись успехов с помощью линейки, она придумала другой метод. Резинкой, которой обычно стягивают пачки денег, она привязывала среднюю фалангу мизинца к кисти, с тыльной стороны ладони. Резинка постоянно оттягивала мизинец вверх, но в то же время позволяла с некоторым усилием, сгибать его, чтобы дотронуться до струны.

Вскоре мне предстояло столкнуться с новыми неприятными последствиями музыкального образования. Стоял прекрасный осенний день, такой сухой и солнечный, в который особенно тоскливо было таскаться на музыку, когда все ребята после школы резвились на улице. Я вышел из дома с футляром и повернул направо, направляясь на урок. Мне надо было прошагать метров пятьдесят, чтобы дойти до угла дома, обогнуть его и пройти по центральной улице к музыкальной школе. Двор, по которому я шел, был узкий, слева была каменная кладка, за которой крутой косогор, заросший высокой травой и кустами, тянулся вверх до самой дороги. Вдруг раздался громкий свист, затем кто то крикнул, явно обращаясь ко мне:

– Эй! Ну ка иди сюда.

Я остановился, поднял голову и посмотрел налево. На косогоре сидели несколько взрослых мальчишек, играющих в карты. Я их сразу узнал, они всегда ходили кучкой и не пользовались хорошей славой, поэтому другие ребята во дворе всегда старались обходить их стороной. Душа у меня моментально ушла в пятки. Я с тоской посмотрел вперед, понимая, что не успею добежать до улицы, где есть люди, – меня обязательно догонят, и тогда будет еще хуже. Лучше бы я повернул налево – так было бы чуть дольше идти, так как наш подъезд был первый, зато я бы не наткнулся на них.

– Чего стоишь? Залазь сюда!

Ко мне обращался самый высокий из них, сутуловатый парень с черными нечесаными волосами. Остальные перестали играть и тоже уставились на меня. Я вскарабкался на кладку, предварительно положив туда футляр со скрипкой, затем отряхнул штаны и начал подниматься к ним.

– А чего это ты там оставил внизу? Тащи сюда.

Мне пришлось вернуться за футляром.

– Что там у тебя? Ну ка, показывай!

Только я успел произнести «скрипка», как сидевший мальчишка с прыщавым лицом ловко вскочил на ноги, сделал шаг ко мне и двумя пальцами ухватился за бабочку на шее. Мама перед уроком одевала меня в белую рубашку и подвязывала эту черную бабочку на резинке. Прыщавый сильно оттянул бабочку и, когда отпустил, та больно ударила мне по шее. Естественно, все стали громко ржать. У меня от боли тут же выступили слезы, и я стал часто моргать, чтобы они не заметили их. Мой обидчик захотел повторить фокус, но я оттолкнул его руку, осознавая, что ничем хорошим это не закончится. Прыщавый сжал рот и сузил глаза, но тут вмешался сутулый, видимо, он был у них за главного:

– Не трогай его, садись. Пусть лучше сыграет для нас. Давай, маэстро, сбаци нам концерт!

Делать было нечего, я опустился на корточки, расчехлил футляр и взял скрипку со смычком, но подушечку не стал доставать. Я ее и в классе то стеснялся привязывать; белую в черный горошек подушечку сшила мама и считала ее очень элегантной.

– Я пока не умею играть, только учусь, – пробормотал я.

– Ну хоть что то умеешь? – спросил прыщавый, а еще кто то добавил: – Бабочку нацепил, а сам не умеешь играть? Давай быстрее, пока я этой скрипкой по башке тебе не врезал!

Я вздохнул и начал играть гамму, единственное, чему мы пока выучились. Сутулый сунул тростинку в рот и разлегся на траве, слушая с закрытыми глазами. Я повторял гамму снова и снова, пока все вслед за прыщавым не начали свистеть, а сутулый сел и поаплодировал. Свист прекратился.

– Ни фига в музыке не понимаете! – сутулый выплюнул травинку изо рта. – Ну, на сегодня хватит, молодец, можешь идти.

Уговаривать меня не нужно было, уже через минуту я, запыхавшийся, влетел в подъезд музыкальной школы. Марсея не было, урок уже начался, и мне пришлось придумывать, что не мог выйти из дома, так как потерялись ключи. С того дня я, во первых, тут же снимал бабочку, как только выходил из квартиры, и прятал ее в карман. Во вторых, не желая больше давать импровизированных уличных концертов, внимательно выглядывал из окна подъезда на втором этаже, нет ли кого поблизости, и, в зависимости от ситуации, решал, по какому пути лучше добежать до музыкальной школы. При возвращении тоже приходилось играть в разведчика, выглядывая из за разных углов и временами отсиживаясь в соседних подъездах, пока маршрут не станет безопасным.

Дома я не рассказывал о моих страданиях в музыкалке и вне ее стен, просто каждый день ныл, что не хочу больше ходить на уроки. Мама часто повторяла, что еще до моего рождения

видела вещий сон, в котором я стоял на большой сцене со скрипкой в руках, а зал восторженно аплодировал мне стоя.

В общем, мама была решительно настроена сделать из меня музыканта и ничего не желала слушать, а иногда и прибегала к открытому шантажу, что, дескать, если я не буду ходить на скрипку, ей придется запретить мне ходить на баскетбол, куда я был записан еще с первого класса и просто обожал в него играть, с нетерпением ожидая каждого занятия.

После школы дома меня ждал готовый обед, мама работала секретарем на фабрике и во время обеденного перерыва приходила домой. Затем она снаряжала меня на скрипку и сама уходила на работу. После полутора часов мытарств в музыкалке нужно было еще целый час дома делать домашнее задание. Таково было требование Раисы Аркадьевны, она считала, что нужно сразу после урока заниматься дома, пока все свежо в памяти.

Не знаю, следовали ли этому наставлению Марсель и Алена, но у меня был особый случай. По иронии судьбы наша квартира и комната, где нас мучала Раиса Аркадьевна, располагались на третьем этаже рядом друг с другом. Иначе говоря, за стеной нашей гостиной находился ненавистный мне скрипичный класс. Это открытие, поначалу просто неприятно поразившее меня, в дальнейшем приобрело прямо таки драматический оттенок, когда выяснилось, что из-за большой звукопроницаемости здания, даже при наличии на стене в гостиной большого ковра с замысловатыми красными и зелеными узорами, Раиса Аркадьевна имела возможность слышать, как я занимаюсь, и насколько усердно, чтобы потом докладывать маме о случаях моей нерадивости.

Словом, музыкалка преследовала меня повсюду и отравляла жизнь. Словно этого было мало, Раиса Аркадьевна, узнав про баскетбол, стала давить на маму, чтобы я перестал ходить в секцию. Оказывается, от баскетбола могут утолщаться суставы пальцев, что не есть хорошо для скрипача. Но тут я уже взбунтовался по полной программе и сказал, что если не будет баскетбола, то на скрипку я уже точно ходить не буду и пусть делают со мной что хотят.

Часто я, стоя в гостиной и водя смычком по струнам, невольно поглядывал на ковер, гадая, чем занимается за стеной учительница, и вообще есть ли она сейчас там. Может быть, она вышла куда то или даже ушла домой пораньше, а я вместо того, чтобы выйти на улицу погулять с мальчишками, торчу как дурак дома с ненавистной скрипкой в руках. Поначалу я пытался послушать, что творится за стеной, для чего брал на кухне граненый стакан и, отвернув угол ковра, прикладывал его к стене, доньшком наружу. Прижав ухо к холодному стеклу, я иногда слышал смутные голоса, а иногда ровный гулкий шум, как будто слушаешь море, но эта прослушка через стену никакой полезной информации, в принципе, не давала.

Раиса Аркадьевна периодически таскала меня и Марселя на профилактические получасовые беседы к директору в его просторный кабинет, где тот, заложив руки за спину и медленно прохаживаясь взад и вперед между белым роялем и проигрывателем с грампластинками, стоящим на тумбочке в углу, рассказывал нам очень поучительные, на его взгляд, истории о себе и тяжелой судьбе великих музыкантов, но в основном о себе. Нам нравилось ходить к директору. Во первых, эти полчаса лучше было сидеть у него в кабинете, чем в классе у Раисы Аркадьевны, а так как он не обращал на нас никакого внимания, уходя с головой в роль проповедника, мы еще и могли вдоволь валять дурака, чтобы не заскучать, – строить спине директора страшные рожицы, перешептываться и играть на щелбаны в «камень ножницы бумагу». Во вторых, на столе у директора всегда стояла хрустальная вазочка с мятными леденцами, которые мы беззастенчиво таскали каждый раз.

Этот единственный приятный момент, конечно, не мог перевесить все остальные невзгоды, связанные с музыкальной учебкой, которые давили на меня так, что я уже был готов поднять настоящий протест против скрипки, пока однажды пришедшая мне в голову дикая шальная мысль не поменяла ситуацию.

Как то раз я сидел в коридоре возле директорского кабинета, ожидая, когда он освободится. Марсель болел, и мне одному предстояло быть слушателем монологов директора. От скуки я разглядывал все вокруг, пока мой взгляд не наткнулся на пожарную лестницу на белой стене, которая была сварена из тонких ребристых труб, тоже покрашенных в белый цвет. Раньше я на нее не обращал никакого внимания, поскольку она была точь в точь такая же, какая была в нашем подъезде, рядом с нашей квартирой.

Толком не отдавая себе отчета, зачем я это делаю, скорее всего от скуки, я подошел к лестнице, уцепился за нижнюю трубу и немного повисел, поджав ноги и задрал голову. Лестница уходила вверх, упираясь в квадратную дощатую дверцу, ведущую на крышу. К дверце были прикреплены большие круглые скобы, через которые обычно продевают висячие замки, но замка не было. В коридоре в тот момент не было ни души, и я решился вскарабкаться по лестнице, для чего подтянулся до следующей ступеньки, зацепился ногами за нижнюю и вскоре оказался на самом верху. Я одной рукой попытался поднять дощатую дверцу, но она не поддавалась. Тогда я уперся макушкой в нее и, напрягшись всем телом, стал разгибать ноги. Наконец что то скрипнуло, дверца поддалась, и на меня дохнуло прохладной сыростью чердака.

Я быстренько спустился и прыгнул на пол, пока никто меня не застучал, и вот тогда то эта идея впервые пришла мне в голову. Вначале я думал о ней в шутливой форме, посмеиваясь про себя, но со временем она приобрела настолько навязчивую форму, что я уже ни о чем другом не мог думать, пока наконец не решился.

В ночь на пятницу я лежал в своей постели и ворочался, ожидая, пока родители не уснут, чтобы приступить к намеченному. Под подушкой у меня лежал маленький круглый будильник, заведенный на час ночи, но я скоро понял, что в нем нет нужды. При всем желании я не смог бы уснуть, так велико было мое возбуждение. Читать тоже не хотелось.

Нас всегда укладывали спать в десять вечера, и мама следила за тем, чтобы я не читал в постели, чтобы не испортить глаза, но я обходил этот запрет, подсвечивая страницы под одеялом фонариком, сделанным из плоской квадратной батарейки, маленькой лампочки и куска изолянта. Вряд ли у меня была близорукость из за этого, потому что сестра уже давно носила очки, хотя никогда в постели не читала.

Наши с сестрой кровати были расположены вдоль стен, в изголовье находилось большое окно, через которое слышался гул редких проезжающих машин, бросающих через занавески замысловатые блики света, движущиеся по всему потолку. Сестра засыпала рано, если я не вступал с ней в разговоры. Я, как старший, был уполномочен родителями помогать ей делать домашние задания и решать, когда можно пойти на улицу поиграть. То есть я мог за полчаса помочь ей с уроками, особенно с математикой, чтобы потом разрешить выйти во двор к подружкам, а мог и мурыжить ее до вечера. Сестра, в свою очередь, могла настучать родителям про то, о чем им не следовало знать: как я обнаружил папин тайник с журналами, в которых попадались фото обнаженных девушек. Как ключом от письменного стола научился вскрывать сервант в поисках припрятанного для гостей шоколада, и еще много чего.

Словом, наш военный паритет был хрупок и полон взаимного шантажа, и сестра в случае чего могла запросто пожаловаться маме про мои чтения под одеялом, что грозило изъятием дефицитного для меня самодельного фонарика, поэтому я не рисковал и всегда дожидался, пока она уснет, чтобы достать заветную книжку для чтения.

В очередной раз подойдя к двери нашей детской и прислушавшись, я решил, что уже пора. Уложив одеяло таким образом, чтобы можно было подумать, что я под ним, и надев припасенную заранее спортивную форму и кеды, не забыв прихватить фонарик, я бесшумно прокрался ко входной двери. Справа дверь вела в родительскую спальню, оттуда не раздавалось ни звука. С колотящимся сердцем в полной темноте я стал миллиметр за миллиметром поворачивать металлический язычок входного замка. Он наконец щелкнул, и звук показался мне таким оглушительно громким в звенящей тишине, что я готов был ринуться назад, в постель.

Подождав с полминуты, я стал медленно открывать дверь. Она заскрипела, и чем шире я ее открывал, тем скрип становился громче, вызывая мурашки по всему телу, и этому, казалось, не будет конца. Наконец дверь отворилась настолько, чтобы я смог выйти; весь в поту, я опять замер и прислушался – тихо. Ступив за порог, я остановился в тревоге и нерешительности. Как быть с этой дверью? Если начать ее закрывать, она же опять начнет скрипеть! Странно, что я раньше не замечал этих мерзких звуков. Может, наоборот, нужно быстрыми движениями закрывать и открывать?

Тут из родительской спальни раздался отчетливый кашель папы, и я, мигом влетев домой и захлопнув дверь, уже через мгновение лежал под одеялом, в спортивном костюме и кедах.

Утром мама с трудом растолкала меня, в школе я все уроки клевал носом, а придя домой, заявил, что устал и хочу спать. Мама, встревожившись, пощупала мой лоб на предмет температуры, я для верности добавил, что ничего кушать не буду.

– Так, никуда из дома сегодня не выходи! Я позвоню в музыкальную школу и предупрежу, что сегодня ты не придешь.

Я, стараясь прикрыть ликование, молча кивнул головой. Когда мама ушла, я притащил с балкона раскладную лестницу и приладил ее под антресолями. Там лежала бабушкина швейная машинка, закрытая деревянной полукруглой крышкой с маленьким замочком. Сняв крышку и нащупав в отсеке с нитками и пуговицами черную пластмассовую масленку с острым длинным наконечником, я слез с лестницы и пошел в коридор. Покапав маслом на петли, я несколько раз закрыл и открыл входную дверь, быстро, потом медленно – тишина!

Довольный собой, я вернул лестницу на место и провалился на диване перед телевизором до позднего вечера, и в тот день уснул даже раньше, чем сестра.

Хотя под подушкой лежал будильник, заведенный на час ночи, я его не услышал.

Наступили выходные, родители отвезли нас в соседний городок к бабушке в гости, с ночевкой. Дом у нее был хлебосольным, всегда открытым для множества гостей, и никто не указывал нам, что нужно и чего нельзя делать.

К сожалению, родители отвозили нас к бабушке не так часто, как хотелось бы, и обычно на один день, за исключением летних каникул, когда мы гостили там неделю или две; так что по воскресеньям праздник заканчивался, надо было возвращаться домой – утром снова в школу, а потом на ненавистную скрипку.

В понедельник ночью, полный решимости, я предпринял вторую попытку. Выскользнув из квартиры и бесшумно притворив дверь, я постоял немного, чтобы отдышаться. В подъезде, где по ночам не горела лампочка, было темно, сквозь высокие окна со двора почти не поступало света. Я подумал о том, что квартира же не будет заперта, так как я не догадался взять с собой ключ, и в нее может попасть кто угодно. Воображение живо начало рисовать воров и грабителей, смутные тени которых постепенно проявлялись по мере вглядывания в темноту. Решимость стала куда то исчезать, поэтому я достал из кармана фонарик и осветил им вокруг. Все нормально, никого тут нет, но дверь все равно лучше запереть.

Пришлось на цыпочках прокрадываться обратно в квартиру и на ощупь искать в школьном портфеле, лежащем возле кровати, ключ с брелоком в виде волка из «Ну, погоди!». Я бросил напоследок взгляд на сестру, и мне показалось, что она наблюдает за мной. Я подкрался поближе и наклонился, свет из окна падал на выглядывающие из под одеяла короткие волосы и лицо, неподвижные ресницы. Я расслабился, вытер пот со лба и вдруг вспомнил, что из за волнений не взял кое что приготовленное заранее для моего рискованного предприятия, самую главную вещь. Я отыскал это во внутреннем кармашке портфеля и сунул в карман.

На чердаке под крышей я ориентировался как рыба в воде: мы сюда тайком часто забирались с Марселем и еще одним мальчиком с первого этажа, с кем я дружил. Время от времени я сюда наведывался и один, чтобы записать в припрятанном тут дневнике события, казавшиеся мне значимыми. Под окном, выходящим из покатога потолка на крышу, был пяточок между

бетонными балками, очищенный нами от строительного мусора. Тут у нас была своеобразная штаб-квартира по эротике, мы приносили с собой все, что удавалось добыть – журналы, открытки, фото, иногда и вовсе откровенного содержания, чтобы потом, сидя на деревянных коробках, разглядывать все и горячим шепотом обсуждать впечатления. Трофеи находилась в нашем общем пользовании и были спрятаны в тайнике, в труднодоступном углу чердака.

Включив фонарик, я прошел весь чердак до конца, по пути разбудив парочку голубей, которые здорово напугали меня. Пригнувшись из-за сужающейся над головой крыши, я подошел к наклонному окну и, выглянув из него, увидел круглую серебристую луну между ветвями высокого тополя. Ухватившись за шершавую раму, я вылез на крышу. Дул слабый ветер, вовсе не холодный, но я сразу покрылся мурашками. На крышу мы ни разу не выходили, поскольку нас могли увидеть с улицы, к тому же у нас были другие заботы на чердаке. Внизу проехала машина, и я инстинктивно нагнулся, чтобы водитель меня не заметил.

Наклонная крыша была застелена кусками волнообразной черепицы, которая скрипела и пружинила под ногами. И хотя до края крыши было довольно далеко, мысль о том, что можно поскользнуться и покатиться, холодила ноги и руки. Буквально на четвереньках, цепляясь руками за края черепицы, я пробрался до невысокой стены, перелез через нее и очутился на плоской крыше музыкальной школы. Еще немного, и я спустился через узкое отверстие на чердак, включил фонарик и огляделся.

Тут было теплее, чем снаружи, и сильно пахло чем-то сырым. Вдруг в углу задвигались какие-то огоньки, но я понял, что это кошачьи глаза прежде, чем успел испугаться. Некоторое время побродив и освещая себе дорогу под ногами, я набрел наконец на дверцу с ручкой, сделанной из куска толстой резины. Поднимать ее было нелегко, и я чуть было не упал в открывшийся проем. Сев на корточки, я осветил фонариком белую лестницу: лезть вниз почему-то оказалось страшнее, чем шагать по наклонной черепичной крыше. Вздохнув, я повернулся спиной и, нащупывая ступени, стал спускаться в музыкальную школу, на каждой ступеньке замирая и прислушиваясь. Спустившись, я прижался спиной к стене, уговаривая себя, что тут нет никого, чтобы сдвинуться с места. Так, скользя спиной, я сделал несколько шагов, пока не задел выключатель на стене. Со слабым треском на потолке стали одна за другой зажигаться длинные трубки люминесцентных ламп. Я зажмурился, а открыв глаза, внезапно осмелел и даже развеселился.

Свершилось! Я в музыкалке, где совершенно никого нет и можно делать все, что захочется! Для начала я отправился в кабинет директора и сел в его кресло. На окнах не было штор, и луна ровно освещала большой письменный стол с изогнутой настольной лампой в левом углу, стопкой аккуратно собранных бумаг по центру и неизменной вазочкой с конфетами справа. Вазочка стояла на какой-то толстой брошюре, пролистав которую я наткнулся на голографическую открытку с грудастой восточной красоткой, которая в зависимости от угла наклона то прикрывала себя красным платком, опустив густо накрашенные ресницы, то обнажалась, откинув платок в сторону и призывно глядя прямо в глаза. Набрав конфет в карман, я колебался какое-то время, а потом, не удержавшись, сунул открытку туда же.

Далее была очередь класса по скрипке. Я зажег свет и смело вошел в комнату, в которую столько раз входил с чувством страха и неуверенности.

Для начала я сел на пол под фортепиано и снял панель над педалями, закрывающую закрепленные внизу струны. Они были расположены так близко друг к другу, что понадобилось немало времени, пока я не отыскал струну ля, чтобы немножечко ее расстроить, буквально на полтона. Идея заключалась в том, что одну единственную расстроенную струну в фортепиано сразу не обнаружить, но так как это была ля, основополагающая нота для настройки наших скрипок, то должно было быть весело, особенно при совместной игре скрипки и фортепиано. Поставив панель на место, я встал, отряхнул брюки и приступил к главной части своей операции.

Я достал из шкафа прозрачный пластиковый стаканчик, в котором Раиса Аркадьевна хранила резинки для мизинцев. Наступил главный момент. Я вытащил из кармана спичечный коробок и аккуратно вытряхнул из него в стаканчик большого черного жука оленя. Несмотря на свои угрожающие клещи рога, это был безвредный красавец с переливающимся черно лиловым панцирем, найденный мной во дворе. Жук лениво копошился среди разноцветных резинок. Убедившись, что он лишь скользит лапками по стенкам и не в силах выкарабкаться, я вернул стаканчик на место, потушил свет и вышел в коридор.

Обратный путь занял гораздо меньше времени; благополучно добравшись до нашего чердака, я засунул в тайник открытку со знойной красоткой и спустился на нашу темную лестничную площадку. Я понятия не имел, сколько времени отсутствовал, и опять стал волноваться, стоя перед дверью в квартиру. Вдруг все проснулось и переполошилось, что меня нет? Что я скажу, куда мне понадобится ходить среди ночи? Ничего толком не придумав, я какое то время прислушивался, нет ли звуков за дверью, перед тем как достать ключ. Несмотря на все предосторожности, замок опять клацнул так громко, что я чуть не подпрыгнул на месте. Закрыв глаза, толкнул дверь – ничего не произошло. Я открыл глаза, зашел и перевел дух. Затворив дверь за собой, я на цыпочках вошел в детскую, разделся, скинул кеды и подошел к своей кровати.

Наступив босой ногой на что то холодное и мокрое, я невольно вскрикнул, и тут же в глаза ударил свет настольной лампы. Сквозь прищуренные веки разглядел сестру, сидящую на своей кровати. Посмотрев вниз, я увидел, что наступил на влажное полотенце.

– Что это такое? – прошептал я.

Она молчала.

– Ты почему не спишь? – продолжал я.

Пережитые волнения сменились злостью, и я даже готов был задать ей небольшую трепку, но, подойдя поближе, заметил, что она как то странно смотрит на меня – глаза расширены, рот приоткрыт.

Я сел рядом, сестра вздрогнула, несколько раз моргнула, потом спросила:

– Ты помнишь, что ты выходил из квартиры?

Я недоуменно посмотрел на нее:

– Ну конечно!

– Скажи, а во что ты был одет?

– Отстань от меня!

– Ну пожа а а луйста, скажи, скажи, это важно, – не отставала она.

– В спортивный костюм, а в чем дело вообще? – снова рассердился я.

Сестра разочарованно вздохнула:

– Выходит, ты не лунатик?

Я громко рассмеялся, затем, спохватившись, приглушил голос:

– К твоему сожалению, нет. Так ты поэтому полотенце мокрое постелила?

Она покивала с очень серьезным видом:

– Ага, моя подружка говорит, что в пионерском лагере были лунатики, они просыпались по ночам и ходили по крышам, а потом ничего не помнили. И их нельзя будить, только если постелить мокрое полотенце, чтобы они сами проснулись.

– И что, она сама их видела?

– Их все видели, и она бы могла, если бы захотела, но только она побоялась, трусиха, в общем. А я вот вообще не боюсь.

– Ну ладно, хватит, давай спать.

– Давай. Все таки жалко, что ты не лунатик, я бы всем рассказала. А ты куда ходил?

– А вот это тебя не касается, – сказал я.

– Нет, скажи, скажи, скажи...

Я раскрыл пошире глаза и, протянув к ней руки, стал зловеще шептать:

– А я ходи и ил по кры ы ышам!

В первую секунду мне удалось ее напугать, затем она засмеялась и заехала мне подушкой по голове:

– Ну и дурак!

Несмотря на бессонную ночь, утром я проснулся в обычное время в предвкушении необыкновенного дня и растолкал сонную сестренку. В школе я не мог дожидаться, когда окончатся уроки и настанет время идти на скрипку. Впервые мне не терпелось побыстрее оказаться в музыкальной школе.

Я, Марсель и Алена стояли рядышком и настраивали струну ля, пока Раиса Аркадьевна, нахмурившись, брала на фортепиано эту ноту. Мы настроили свои скрипки, и поначалу все шло гладко, точнее, по обычному сценарию – Марсель отмучался и получил свой подзатыльник, Раиса Аркадьевна села за фортепиано и взяла первые аккорды, а Алена встала рядом, вскинув скрипку и готовясь начать в нужный момент.

Они должны были вместе сыграть какую то веселую пьеску из «Хрестоматии по скрипке», и Алена довольно бойко начала свое вступление. В то время как Марсель откровенно скучал и поглядывал в окно, я не сводил глаз с учительницы, предвкушая дальнейший ход событий. Для начала она, не открывая глаз, просто слегка поджала губы. Ничего не замечающая Алена увлеченно продолжала, как обычно артистично покачиваясь во время игры влево вправо. Когда диссонанс от игры стал уже явственно резать ухо, Раиса Аркадьевна открыла глаза и прекратила играть, Алена последовала ее примеру, и они уставились друг на друга.

– Так, – сказала учительница, – давай ка начнем сначала, соберись.

Алена пошла красными пятнами, Марсель хмыкнул и стал проявлять интерес к происходящему.

Раиса Аркадьевна снова начала вступление, но при первых же звуках Аленкиной скрипки остановилась:

– Попробуй ка взять повыше!

Новая попытка не привнесла гармонии в игру, и им пришлось вновь начинать сначала. Теперь учительница сама попробовала на пианино менять тональность по ходу игры, нервно беря аккорды, но опять таки ничего не вышло. Глядя на Алену, можно было подумать, что она вот вот разревется.

На третьей попытке у них вообще все пошло наперекосяк, Раиса Аркадьевна начала повышать голос и покрикивать, отчего Алена в придачу ко всему стала фальшивить и сбиваться с ритма. Марсель толкал меня локтем в бок и давился от смеха, но после брошенного на него гневного взгляда со стороны учительницы затих.

– Ну все, хватит с меня на сегодня, – сдалась наконец Раиса Аркадьевна, посмотрев на круглые часы, висящие над фортепиано. – Позанимайся хорошенечко дома, а завтра продолжим.

Алена прошла мимо нас в угол, где лежал ее футляр от скрипки. Марсель показал ей язык, но она вряд ли это увидела, так как старалась не смотреть на нас. Раиса Аркадьевна помассировала себе виски кончиками пальцев, затем подошла к вешалке, достала из сумочки пластинку с таблетками и, обнаружив, что в графине на столе не осталось воды, вышла из класса.

И тут мы услышали всхлипывания. Алена стояла к нам спиной, закрыв лицо руками, худенькие плечи тряслись от рыданий. Мы с Марселем растерянно переглянулись, он нахмурился, а я подошел поближе и постоял немного рядом. Потом достал из нагрудного кармана аккуратно сложенный белый платочек, который мама туда всегда клала, и дотронулся до ее плеча.

– Вот, возьми.

Она перестала всхлипывать и посмотрела на меня.

– Спасибо, – голос у нее был силовый и тихий.

Сейчас она сильно напоминала мне сестру, и мне хотелось ее утешить.

– Не обращай на нее внимания.

Она снова стала всхлипывать, икая:

– Она ни никогда не кричала на меня а а!

Я сказал:

– Подумаешь, большое дело. Она каждый день на меня с Марселем кричит, и чего? Ей просто нравится покричать, а Марселю от этого даже весело, правда?

Марсель не отозвался, и я, обернувшись, увидел, как он идет к нам, держа в руке что то. Подойдя с другой стороны к Алене, он протянул ей тюбик с канифолью.

Алена, моментально перестав плакать, переводила округлившиеся глаза с импортного тюбика на невозмутимое лицо Марселя и обратно.

– Это... это мне?

– Держи, у меня еще такой есть.

Алена схватила коричневую канифоль и прижала ее к груди, лицо ее сияло.

– Ой, спасибо тебе. Я всегда о таком мечтала!

Она быстрым движением подалась вперед и чмокнула Марселя в нос, отчего он заметно растерялся.

– Так, ты почему еще ноты не достал до сих пор?

В голосе Раисы Аркадьевны, обращенному ко мне, я уловил нотки «вот на ком сейчас я сыграюсь». Так ли это было на самом деле или мне просто показалось, нам не суждено было узнать в тот день. Пока я разворачивал ноты и устанавливал их на пюпитр, Раиса Аркадьевна подошла к шкафу, и спустя несколько мгновений нам довелось впервые услышать самую высокую ноту, какую человек способен взять голосом.

– А а а а а а а а! – визжала Раиса Аркадьевна таким пронзительно тонким голосом, что у меня даже немного заболело в ушах.

На этот крик в комнату прибежала из соседнего класса преподавательница сольфеджио. Раиса Аркадьевна не замолкала, держа перед глазами растопыренную правую кисть – на кончике указательного пальца, уцепившись зубчатыми клешнями за длинный маникюренный ноготь, покачивался огромный черный жук. Учительница сольфеджио, подойдя поближе, взяла ноту октавой пониже, чем наша учительница, и теперь они кричали дуэтом. Неизвестно, сколько бы это еще продолжалось, так как Раиса Аркадьевна явно была в ступоре и не могла пошевелиться от шока; только жук, то ли не выдержав таких звуков, то ли просто устав, разжал клещи и шлепнулся на пол. Мы с Марселем, расталкивая друг друга, бросились на жука. Марселю удалось первому ухватить его за панцирь, и он, гордо держа жука перед собой, пошел в сторону балкона. Я открыл дверь, и мы с ним вышли.

– Что ты хочешь с ним сделать? – прошептал я.

Марсель восхищенно разглядывал насекомое:

– Не знаю. Жалко выкидывать. Такой красивый!

Мы стояли на балконе довольно долго, разглядывая жука и не испытывая желания возвращаться.

Марсель сказал:

– А давай еще одного такого найдем и будем бои жуков устраивать! Смотри, какие рога у него!

– Давай.

Марсель сунул жука в карман брюк, и мы вернулись в класс, где никого не было и ощутимо пахло то ли валерьянкой, то ли еще какими то каплями. Мы подождали немного, и скоро в дверь заглянул озабоченный директор школы:

– Дети, идите домой, сегодня занятий больше не будет.

Занятий по скрипке не было и на следующий день, и всю последующую неделю. Мы ходили на другие совместные для нескольких групп уроки в большую аудиторию, где скоро все заметили, что Алена с Марселем стараются сесть рядышком. После нескольких дней безуспешных поисков компаньона для нашего жука мы с Марселем, скрепя сердце, были вынуждены отпустить его на волю в траву возле моего дома, где я его и нашел.

Я, не придумав, каким образом можно незаметно вернуть настройку ля в фортепиано, кроме как опять совершить в класс ночную вылазку, решил зайти к директору в кабинет и сказать, что, по моему мнению, нота ля в нашем пианино немножко не так звучит. Директор немедленно отправился со мной в класс и, удостоверившись в этом, похвалил то ли меня, то ли себя:

– Я никогда не ошибаюсь в учениках! Говорил же, что у тебя просто абсолютный слух!

Раиса Аркадьевна вернулась через неделю, и мы сразу заметили, что ее как будто подменили. Не думаю, что мой жук повлиял на нее так, скорее всего что то произошло у нее в жизни, хотя, может, и нервный срыв из за жука повлиял, ну или просто все так совпало. Во всяком случае, Раиса Аркадьевна стала грустной, но какой то спокойной и совершенно не нервной. Уроки проходили необычно тихо, без криков и подзатыльников, хотя Марсель в первое время и съеживался после фальшивых пассажей в ожидании привычной оплеухи.

Мизинец мой и постановка кисти перестали так волновать Раису Аркадьевну, по крайней мере, никаких резинок и линеек в борьбе с этим она не применяла, просто терпеливо повторяла: «кисть», «пальчик держим прямо!». Оказалось, это работает лучше всего, потому что я стал злиться на свою бестолковость и начал стараться по настоящему.

Вообще после моего ночного посещения школы и последующих событий все как то поменялось: не то чтобы я с большой радостью бежал на занятия, но музыкалка перестала так давить на меня, да и сам я как то осмелел. Даже перестал менять маршруты по дороге туда и обратно, хотя знал, что рано или поздно встречу с сутулым и его шайкой. Вскоре встреча состоялась, прыщавый отловил меня недалеко от дома и, усмехаясь, повел на косогор, где на траве сидели трое мальчишек и сам сутулый.

– Ну что, давно не играл нам. Выучил что то новенькое? – сутулый достал пачку и вытряхнул оттуда сигарету.

Я помотал головой.

– Сегодня играть не буду, потом какнибудь, когда выучу. – Я сглотнул слюну и добавил. – Обещаю.

Сердце у меня застучало, отдавая в виски. «Сейчас побьют!» Прыщавый присвистнул и посмотрел на сутулого, остальные тоже ждали его реакции. Тот прикурил, выдохнул дым и оглядел меня.

– Ну хорошо, иди занимайся. Только не забудь про обещание. – Он погрозил мне пальцем, оглядел мальчишек и ухмыльнулся. – Не скажу про этих, но я и правда балдею от музыки.

Делая успехи, я понемножку втянулся в занятия, и месяцы стали незаметно пролетать. Когда наступила весна, Раиса Аркадьевна вышла замуж и уехала в столицу. Ее сменил веселый длинноволосый дядька, смахивающий на хиппи, который разъезжал по улочкам на грохочущем мотоцикле. Он виртуозно владел скрипкой, здорово играл на фортепиано, и даже на саксофоне. У нового учителя была настоящая рок группа из таких же бородачей, собирающаяся по вечерам три раза в неделю в городском доме культуры, и он звал нас по субботам на репетиции, обучая азам игры на гитаре, ударных и синтезаторе.

Марсель и Алена были на какой то своей волне и скоро перестали ходить на репетиции, предпочитая вместо них совместные прогулки в субботние вечера, но я не мог дожидаться, пока наступит конец недели. Спустя год учитель сказал, что со временем в группе найдется место и для меня, и это было в наивысшей степени сильной мотивацией к занятиям музыкой.

Я просто обожал нашего хиппи учителя и не смог поверить, что его больше нет, когда выяснилось, что он разбился на мотоцикле, сорвавшись с горной дороги.

В тот день я был сам не свой, а ночью никак не мог уснуть. Я встал, тихонько оделся и повторил маршрут через чердак в музыкальную школу, не испытывая никакого страха. Вошел в наш класс и посидел там немного, вспоминая учителя и его вчерашний урок. Змеевидный корпус саксофона, стоящего в углу на стойке, светился холодным металлическим блеском, отражая слабый лунный свет. Я подошел к нему и провел рукой по изогнутой трубе, прикоснулся к клапанам, которые еще вчера нажимали пальцы учителя. Затем вернулся домой, разделся и лег в постель.

Рок группа распалась, в музыкальной школе наши уроки стал вести сам директор, я по инерции доучился до конца и после окончания учебы засунул футляр со скрипкой в дальний угол антресолей.

Арам. 1981

Арам пришел к нам в четвертый класс 1 сентября и, не теряя времени, начал тут же изводить всех учеников, да и учителей заодно. Еще во время школьной перемены длинная рыжая девочка из нашего класса, дочка директора школы, сказала, что к нам сегодня придет новенький, только это не совсем новенький, так как уже учился в четвертом классе, но из за неуспеваемости его оставили на второй год, а до этого он и в третий класс ходил два года. Перед уроком математики, когда мы уже расселись в классе за партами, наша учительница, пожилая женщина с вечно уставшим лицом и большими квадратными очками, представила нам Арама. Я сидел за первой партой, прямо перед школьной доской, и смог хорошенько его разглядеть.

Он был невысокий, шупленький, с растрепанными кучерявыми волосами и бойким взглядом черных глаз из под припухших век. Вместо школьной формы он был одет в немного помятую коричневую рубашку с вертикальными полосками и черные штаны, заправленные в полуботинки на толстой подошве. В целом Арам походил на дворового кота, да и двигался так же, бесшумно и пластично.

После представления его всему классу учительница обратила внимание, что он без портфеля, и на вопрос, почему он пришел в школу без него, Арам ухмыльнулся и сказал, что забыл дома. Учительница верно смекнула, что, если не допустить его к уроку, это будет как раз то, что ему нужно, поэтому велела садиться на самую заднюю парту, а в перерыве между уроками сбегать домой за портфелем. Проходя мимо меня, Арам задел ногой стоящий на полу мой новенький синий рюкзачок, из которого высыпались тетради и фломастеры, но он даже не оглянулся.

Во время урока сзади периодически доносилось нарочито оглушительное «а а пча а а ай», после чего учительница опускала очки на кончик носа, чтобы поверх них направить укоризненно пристальный взгляд на заднюю парту, а сидящий там каждый раз бормотал: «Будь здоров, не болей». Прозвенел звонок на перемену, Арам ушел за портфелем и больше в тот день не приходил.

Городок у нас был маленький, все друг друга хорошо знали, и когда я спросил маму, как это можно два года учиться в одном классе, она ответила мне, что мальчик хулиганистый и не учится, и что мне не следует брать с него пример. Я не собирался брать с него пример, а через какое то время Арам и вовсе стал моим первым врагом в жизни.

Террор в классе начался с обстрела то ли жеваной промокашкой, то ли еще чем то мокроватым. Выстрелы были довольно чувствительные для нас и незаметны для учительницы, когда она поворачивалась спиной к нам, чтобы писать на доске. Обстреливались мальчики, все без исключения, я тоже получил болезненный заряд по уху.

Я сделал вид, что не заметил ничего, чтобы не вступать с Арамом в конфликт, и это было, конечно же, неправильной тактикой, в чем я позже убедился. Остальные вели себя так же, и только один мальчик, полненький и упитанный Саша, украинец, имел неосторожность пожаловаться учительнице на такой беспредел, после чего на перемене Арам сказал Саше, что будет ждать его за школой.

Почти квадратный школьный двор всегда был тенист и сумрачен из за огромных лиственниц по всему периметру, и даже в летний зной, когда мы с ребятами играли в футбол на холме перед школой и сбегали вниз за закатившимся мячом по разбитым мраморным ступеням, в этом дворе веяло тенистой прохладой. Окна на первом этаже здания и центральный вход были по какой то причине заколочены, а второй и третий этажи были отведены под школу, со входом в нее с левого торца здания. Двор позади школы, вернее, узкая полоска между задней стороной здания и высоким металлическим забором, отделяющим школу от заросшего футбольного поля и маленькой звонкой речушки поодаль, пользовался абсолютно дурной репутацией.

Старшеклассники занимались за школой немислимыми делами: курили, пили пиво, и, самое главное, там периодически устраивались разборки и жестокие драки. Так что фраза «жду тебя за школой» означала зрелище для наблюдателей и ничего хорошего не предвещала приглашенному.

После последнего урока Арам быстро выбежал из класса, чтобы Саша не смог безнаказанно улизнуть, и подждал его во дворе. Разговор был короткий, вернее, его совсем не было. Арам сделал подножку Саше и толкнул его в лужу, а когда тот упал, высыпал содержимое Сашиного портфеля в ту же лужу. Пока мы поднимали плачущего и мокрого Сашу, Арам высказывал нам мораль: «Вот так будет со всеми, кто ябедничает. Ябеда корябеда!».

На уроках обстрелы продолжались, мы терпели и молчали. Так как я всегда питал страсть ко всему, чем можно пулять в кого-то, мне было жутко любопытно, чем же он так метко стреляет. Я стал незаметно присматриваться к Араму и подглядел обыкновенную картофелину, в которую он тыкал пустым стержнем от шариковой ручки. Вечером я спросил у папы, не знает ли он, как можно стрелять, используя картошку, и он тут же смастерил мне такое оружие, надо сказать, к большому неудовольствию мамы: «Больше ничего не придумал, чему ребенка обучать?»

Работала эта штука так: надо было воткнуть один конец пустого стержня в сырую картофелину, примерно на полсантиметра, повернуть стержень и вытащить, чтобы мякоть осталась в трубке, затем то же самое проделать с другим концом. Еще нужна была распрямленная женская шпилька для волос, чтобы ее вводить в трубочку, пока под возрастающим давлением из другого конца не выстрелит картофельная пуля.

Бесшумный выстрел с незаметным хлопком, приличная дальность и отличная прицельность! В школу я это оружие не носил и оттачивал мастерство на младшей сестренке, и еще с ребятами во дворе постреливали друг в друга, изводя картошку в доме.

Арам в основном водился со старшеклассниками, что, конечно же, добавляло ему авторитета в наших глазах. Я старался держаться от него подальше, но давно был у него на прицеле, в основном за то, что был отличником. В общем, я его сильно боялся: хоть я и был выше него, но очень худой и понятия не имел, как драться.

На уроках физкультуры в теплое время учитель частенько отправлял нас бегать так называемый кросс, чтобы в это время заниматься какими то своими делами. У учителя были роскошные черные усы, маленькое твердое пузико и волосатая грудь, выглядывающая из под вечно расстегнутой синей спортивной формы с белыми полосками а ля «Адидас».

Мы должны были перейти речку по узкому деревянному мостику, чтобы мимо сараев и клетушек с курицами вскарабкаться по крутому склону до дороги, прорезавшей гору примерно посередине, затем по этой горе пробежаться до другого конца города и потом по шоссе вдоль реки прибежать обратно в школу. Весь кросс занимал примерно 40–45 минут, и я всегда прибегал первым, отчасти из за большого роста и длинных ног. Я втайне был горд собой и ощущал себя чемпионом, и мне нравился этот кросс, но большинство школьников его ненавидело, и даже существовал хитроумный способ сократить дистанцию. Поднявшись до горной дороги, надо было для вида немного пробежаться по ней, потом по узкой крутой тропинке напрямую спуститься до реки, вброд перейти ее по камням и тихонечко дожидаться на тенистом берегу настоящих бегунов, чтобы на финишной прямой присоединиться к ним. Тропинка эта заросла густым кустарником, в основном шиповником, и наш физрук не мог ничего углядеть из школьного двора, хотя и знал об этой лазейке. Он периодически грозился выставить двойки в четверти псевдо-бегунам и даже в дальнейшем раздобыл полевой бинокль для обнаружения нарушителей.

Из нашего класса никто не осмеливался на такую авантюру, это была прерогатива смелых и авантюрных ребят из числа старшеклассников. Но Арам, конечно же, был постоянным

пользователем сокращенного варианта кросса, и как то раз, уже почти рядом со школой, он выбежал из укрытия на дорогу впереди меня, явно намереваясь прибежать первым.

Я разогнался изо всех сил, чтобы обогнать его. Возможно, я бы не решился на такое, если бы не был в состоянии разгоряченной эйфории от бега. Но тогда я всерьез разозлился и, когда поравнялся с Арамом и начал уже его обгонять, а он схватил меня за майку, то ударил его по руке и вырвался вперед.

После физкультуры был последний урок по английскому, на котором Арам обычно не задерживался, но в этот день сделал исключение, и на протяжении всего занятия я ощущал на затылке тяжелый взгляд, не сулящий ничего хорошего.

Я вышел из школы и зашагал по асфальту, покрытому большими, слегка желтоватыми листьями, по направлению к лестнице в середине школьного двора, ведущей наверх, стараясь не смотреть по сторонам, когда услышал свист.

– Пошли за школу, длинный, – деловито сказал Арам, подойдя ко мне откуда то сбоку и закатывая рукава полосатой рубашки, которую, похоже, никогда не снимал с себя.

– Не а, не пойду. Зачем? – я упирался, пытаюсь предотвратить неминуемую расправу.

Арам посмотрел назад, прикинул расстояние до заднего двора и, видимо, решив, что тащить меня туда будет затруднительно, перешел к блиц варианту.

– Ты зачем меня по руке ударил?

– Я нечаянно.

В левом глазу у меня зажглись разноцветные огоньки, затем стало очень больно.

– За нечаянно бьют отчаянно! – откуда то издали закричал Арам.

Я выронил портфель и сквозь слезы увидел, что он уже вскарабкался на каменный парапет и оттуда строил мне плаксивые рожицы:

– Ну давай, длинный, поплачь! Беги, мамочке жалуйся!

Я оглянулся вокруг в поисках подходящего камня и нашел такой. Продолжая плакать, я зашвырнул им в Арама, стараясь не то чтобы попасть в него, а просто желая прогнать, как какую то собаку. Конечно, не попал.

Дома сестра открыла мне дверь и, вскрикнув, побежала на кухню к телефону – звонить маме. Я же заперся в ванной и с ужасом стал изучать сильно изменившееся лицо. Большой лиловый синяк, глаза почти не видно, к тому же очень больно. Сестра передала слова мамы о том, что нужно к синяку прикладывать холодную ложку, чем я и занялся, поминутно подбегая к зеркалу проверять результат. Вечером пришедший с работы папа запретил маме причитать и сказал, что это нормальное явление у мальчишек и что у него самого таких синяков было штук сто, не меньше.

В течение следующей недели синяк менял поочередно цвета радуги, развлекая одноклассников, в особенности Арама, который громко советовал взять у мамы из сумочки пудру и замазывать синяк. В конце концов ненавистный синяк сошел на нет, как будто его и не было, но я затаил на Арама обиду вселенского масштаба, о чем он и не подозревал.

Он отстал от меня, если не считать поддразниваний, сконцентрировав усилия на других мальчишках, а также расширив сферу своих злокозней на девочек в виде тайных проделок типа подрезания ножиком петелек рюкзачков и намазывания на косички клея.

Именно в это время мне попала в руки книжка, где я вычитал потрясшую меня формулу: «Если подтягиваться каждый день по 10 раз, утром и вечером, то через год можно стать в два раза сильнее». Это послание свыше пришло ко мне 20 го октября, и я, не подвергая ценнейшую аксиому никакому сомнению, начал заниматься. В соседнем дворе был заржавевший турник возле мусорных баков, и я взял за привычку ходить туда утром перед школой и вечером, когда мама отправляла меня на улицу выносить мусорное ведро.

Поначалу я не мог подтянуться больше одного раза, но постепенно дело пошло на лад, и через пару месяцев я уже уверенно подтягивался раз пять. Но эти успехи не особо радовали, я

никак не мог выкинуть из головы тот злосчастный день, когда получил фингал, не мог простить себе страх и трусливое поведение.

В отчаянии я решил доказать себе во чтобы то ни стало, что я не трус. С раннего детства меня пугала темнота. Воображение рисовало мне всяких чудовищ – крупных, с огромной пастью и готовых откусить мне чтонибудь, и мелких, размером с крыс или пауков, не менее злобных, готовых впиться мне в лицо, как только я войду в темную комнату и загляну под кровать или же отворю дверцу шкафа.

В городе у нас было много бродячих собак. Их время от времени отлавливали на улицах и куда то увозили, даже был случай, когда милиционер застрелил вроде бы бешеную собаку прямо на улице, на глазах детей, о чем долго судачили в городе.

Так вот, парочка бродячих собак ночевала в темном и узком подвале нашего дома. Я это знал точно, так как каждый вечер проходил мимо подъезда с железным мусорным ведром в руке, направляясь в соседний двор, чтобы подтягиваться. В общем, я долго сомневался, пока не решился пройти в крошечной тьме мимо глухо рычащих псов до самого конца подвала, дотронуться рукой до всячего замка на двери, где у папы была кладовая, и вернуться назад. Каким то внутренним чутьем я осознавал, что нужно двигаться медленно, крайне медленно, чтобы собаки не набросились на меня. Небольшой шаг в крошечной темноте и пауза, затем следующий.

Ух и жутко было это делать, я до сих пор помню, как у меня сердце чуть не выскакивало из груди, пока я с закрытыми от страха глазами медленно пробирался во тьме, часто дыша ртом и щупая рукой осыпавшуюся под рукой влажную штукатурку на стене. Но собаки меня не тронули, и постепенно, день за днем, страх стал уменьшаться, ритуал прохождения по сырому и темному подвалу до папиной кладовой стал обыденным делом, да и собаки, похоже, привыкли ко мне.

Прошла зима, ранняя весна растопила снег в горах, наводнив реку и каналы в городе потоками мутной, весело журчащей воды, искрящейся в лучах солнца, теплеющего день ото дня. Затем разом расцвели все деревья и кусты в городе, наполняя воздух нежными ароматами и ощущением приближающихся беззаботных и бесконечных каникул.

На лето родители обычно закидывали меня с сестрой в деревню, к родителям мамы. В дедушкином саду слева от ульев между двумя яблонями была перекинута металлическая труба, и все лето я неукоснительно соблюдал правило «10 подтягиваний утром, 10 вечером».

Пришла осень, в школе ничего не поменялось, те же одноклассники, те же учителя, кросс и тот же Арам, дерзкий и внушавший страх всему классу. Однако я его уже не боялся, и он это чувствовал и меня как будто не замечал, точь в точь как собака, которая не трогает того, кто ее не боится.

20 го октября была пятница, когда я подошел к Араму после последнего урока и дрожащим от волнения, но громким голосом сказал:

– Пойдем за школу.

Крики и шум в классе, обычные после окончания занятий, особенно в пятницу, вдруг смолкли, все уставились на нас. У Арама от удивления даже немного приоткрылся рот, но он быстро трансформировал растерянное выражение на лице в привычную ухмылку:

– Что, длинный, давно фингал не получал?

Мы вышли вместе из дверей школы и пошли направо. Арам что то насвистывал. За нами, негромко, но оживленно переговариваясь, шла целая толпа. Сердце колотилось, я чувствовал необычайное возбуждение, и когда Арам отбросил свой портфель в сторону и повернулся лицом ко мне, я, выставив перед собой синий рюкзачок как щит, набросился на него и повалил на асфальт. Я оказался сверху, Арам извивался подо мной как кошка и размахивал кулаками, пытаясь попасть по моему лицу.

Я перехватил его руки и прижал их к его груди, затем, легко удерживая его запястья кистью левой руки, правой рукой дотянулся до его портфеля, лежащего рядом, и в исступлении начал лупить им по обездвиженному Араму. Портфель раскрылся, его содержимое по мере ударов высыпалось на него. Неизвестно, сколько бы это длилось, но чья то мощная рука взяла меня за шкуру, встряхнула и поставила на ноги. Здоровенный десятиклассник сказал:

– Вы чего, мелюзга, тут творите? Ну ка брысь отсюда, пока директор не вышел.

Арам сидел и негромко плакал, размазывая по лицу сопли вперемешку с кровью, которая текла из носа. Девочка из нашего класса подбежала к нему и стала собирать его книжки и тетради в портфель. Невероятное чувство подъема долго не отпускало меня, и до дома я шел словно пьяный, не замечая ничего вокруг.

Вечером за ужином я не мог удержаться, чтобы не сказать такую важную новость родителям:

– А я сегодня побил хулигана Арама из нашего класса, он плакал, и у него даже кровь шла из носа!

Папа отложил рюмку с тутовкой, которую собирался выпить, и сказал:

– Молодец, сынок, так держать!

Но мама почему то расстроилась:

– Этого не надо было делать, жалко его!

Папа возразил:

– Что плохого в том, что наш сын умеет постоять за себя?

Мама начала повышать голос:

– Это несчастная семья! Бедная Фрида, без мужа и родственников, на двух работах, концы с концами не может свести, и шестеро оборванцев на шее, мал мала меньше!

– Так не надо было ей от мужа уходить, с шестью детьми то!

– А что, лучше было с алкашом жить, который еще и детей бьет?!

Родители стали ругаться, и я убрался в свою комнату, чтобы не слышать их.

В понедельник Арам не пришел в школу. Не было его и во вторник, и в среду. Авторитет мой в классе, да и в школе возрос неимоверно. Мальчишки явно стремились со мной дружить, на большой перемене в школьном буфете старшеклассники не выталкивали меня из очереди, как они обычно делали это с учениками младших классов.

В четверг, проходя мимо актового зала на втором этаже, я услышал странные звуки и, завернув за угол, вдруг увидел возле директорского кабинета Арама. Тот держал на руках младенца, заливающегося смехом каждый раз, когда Арам цокал языком. Я впервые видел его таким широко улыбающимся. Увидев меня, Арам нахмурился, а в это время из директорского кабинета вышла женщина в сером платке и забрала у Арама младенца.

– Остолоп несчастный! – накинулась она на Арама, всхлипывая и вытирая тыльной стороной ладони глаза. – Сколько еще прикажешь мне терпеть, ходить к директору и просить, чтобы тебя не выгнали? Если эту четверть не сдашь, отправят в интернат, так и знай!

Арам хмуро молчал, опустив голову. Мне стало неловко, и я отвернулся, настолько необычно было видеть Арама в такой ситуации. Слово «интернат» для нас звучало пугающе, им обычно грозили в крайних случаях, и в нашем понимании это было местом сродни какой то тюрьме для детей.

На следующий день я рассказал маме про то, что видел. Она какое то время молчала, задумчиво глядя на меня, потом велела одеваться. Сначала мы зашли в магазин, где мама купила фрукты и полкило шоколадных конфет, потом отправились через большой мост в другую часть города, куда мы обычно редко ходили, так как там было всегда грязно и дома были старыми и ветхими. Вначале я думал, что мы идем в гости к тете, маминой сестре, но она не жила в этом районе, да и вообще, насколько я знал, тут у нас не было знакомых. Поэтому я спросил, куда мы идем.

Мама остановилась и повернулась ко мне:

– Мы идем в дом, где живет Арам. И у меня к тебе очень серьезная просьба, сынок. У него маленькие братики и сестренка, он помогает матери приглядывать за ними. Одному ему не справиться со школьной программой, он сильно отстал. Так вот, я хочу, чтобы ты с ним помирился и помогал ему с уроками. Нельзя же допустить, чтобы его отправили в интернат, согласен?

Мое молчание мама расценила как согласие, мы пошли дальше, свернув на боковую улочку, спускающуюся между котлованом, заваленным стройматериалами, и высокой бетонной стеной. Стена была в надписях и рисунках, в основном неприличного содержания, и я тайком разглядывал ее, пока мы проходили мимо.

Трехэтажный дом из серого, потрескавшегося туфа, где жил Арам, встретил нас пустыми глазницами обожженных окон на последнем и частично втором этажах. Видимо, после пожара в этих квартирах никто не жил, во многих других перед окнами на веревках висело разноцветное постиранное белье. Во дворе кучка детей шумно играла в так называемую валисанку, подкидывая друг другу ногами кусочек овечьей шерсти с прикрепленным маленьким свинцовым грузилом, и не давая ему упасть на землю. Возле левого подъезда женщина, в которой я узнал мать Арама, штукой, похожей на большую мухобойку, выбивала цветастый ковер, висевший на турнике, поднимая клубы пыли.

Увидев нас, она оставила это занятие, громко крикнула «Ара а м!» и поспешила к нам. Они поцеловались с мамой и начали судачить о том о сем. Из подъезда вышел Арам с ребенком на руках и тоже подошел к нам. Фрида забрала у него ребенка и велела отнести ковер домой. Мама отпустила мою руку и сказала:

– Иди помоги.

Мы с Арамом молча стащили ковер с турника и, взявшись за края, стали заносить его в квартиру на первом этаже. Я шел сзади и поэтому не видел высокого порога, споткнувшись на котором не удержался на ногах и упал на ковер, лицом вниз. Арам стал громко смеяться, а мне в ноздри попала пыль, и я расчихался. А когда я начинаю чихать, одним двумя чихами дело не заканчивается. Где то после десятого раза Арам сказал, что есть верный способ прекратить чихать.

Он присел на корточки и положил ладонь мне на лоб, оттянул средний палец другой рукой и отвесил мне звучный щелбан. Я сразу же позабыл про чихание, схватил и попытался вывернуть его руку, а через мгновение мы уже катались по ковру, вцепившись друг в друга.

Оказавшись в очередной раз наверху, я плотно прижал его кисти к полу. Мы оба тяжело дышали, Арам после нескольких тщетных попыток вырваться процедил сквозь зубы:

– Ну ладно, длинный, твоя взяла.

Голос его, впрочем, звучал вполне дружелюбно. Я встал с него и подал руку. Он исподлобья глядел на меня снизу вверх, но все таки протянул руку, и я помог ему встать.

Мы расстлали ковер посередине темной гостиной, выходящей маленьким окном во двор, когда вошли мама с Фридой, и Арам предложил мне выйти на улицу.

– Слушай, а ты реально сильный! До сих пор болит. – Он потирал кисти рук, когда мы вышли во двор.

Я довольно рассмеялся, потом сказал:

– Хочешь, открою секрет?

Он кивнул.

– Пойдем туда. – Я кивнул головой направо и, подойдя к турнику, стал подтягиваться.

– Ну и? – спросил Арам, когда я спрыгнул на землю.

– Десять подтягиваний утром и десять вечером. Через год будешь в два раза сильнее.

Арам недоверчиво смотрел на меня:

– Да ладно?

– Честно, это и есть секрет. Уже год я так делаю, в книге вычитал про это.

Он подошел к турнику, поплевал на ладони, затем подпрыгнул и повис на металлической перекладине, и начал подтягиваться. Подтянувшись с натугой третий раз, он спрыгнул и, отдышавшись, сказал мне со своей фирменной ухмылкой:

– Ну все, длинный, через год приходи за школу.

Мы рассмеялись, и я сказал:

– Знаешь что? Хочешь, я буду приходить к тебе, помогать с уроками?

Он цокнул языком и ловко сплюнул длинной слюной, похожей на торпеду – метра на три, не меньше. У меня так никогда не получалось.

– Ничего не выйдет. В прошлом году мама соседскую девочку уговорила со мной позаниматься, девятиклассницу. Месяц она мучалась со мной, потом сказала, что это дохлый номер.

– А давай попробуем все таки.

Арам пожал плечами:

– Ну давай.

Вот так я начал ежедневно приходить к Араму домой, где мы уединялись в маленькой комнатенке, похожей на подсобку, в которой детские крики были не так слышны. Мне пришлось брать у своей сестренки учебники по третьему классу, так как у Арама обнаружились большие пробелы в физике и математике за все годы, но все гуманитарное давалось ему сравнительно легко.

Прошел месяц, потом другой и третий. Арам всю свою выдумку и настойчивость направил на учебу, и весной у него в дневнике большие красные двойки, размашисто выведенные раздраженными учителями, стали постепенно сменяться на тройки, размерами поменьше и синего цвета. Когда он получил первую четверку по математике, то прямо светился от гордости. В тот день мы забрались на холмы позади их дома, где стоял необъятный дуб, полусожженный попавшей в него когда то молнией. Засунув руку по плечо в дупло, Арам откуда то сверху достал такую суперскую самодельную рогатку, что у меня чуть было дыхание не перехватило; и до самого позднего вечера, пока совсем не стемнело, он учил меня правильно стрелять из нее.

Мы привыкли друг к другу, почти все время проводили вместе и вскоре были не разлей вода, что называется. По вечерам выделывали на турнике у него во дворе различные финты, на зависть местной ребятне, и даже повадились в любую погоду бегать по утрам, до школьных уроков. Так что к середине марта, когда воздух достаточно прогрелся и учитель физкультуры с облегчением стал отправлять нас на кросс по горе вместо того, чтобы возиться с нами в школьном спортзале, мы с Арамом легко прибегали к финишу первыми.

Однажды, в конце апреля, во время очередной вылазки всем классом на гору для кросса, я, повинувшись внутреннему голосу чертенка, сильно осмелевшего во мне за последнее время, сказал Араму:

– А давай срежем? Неохота бегать сегодня.

Арам ухмыльнулся:

– Тоже мне, отличник называется, такие вещи предлагает.

Мы оглянулись назад, чтобы убедиться, что нас никто не видит, и проворно нырнули с дороги в кусты. Спустившись по тропинке к реке, мы некоторое время колебались, прежде чем перейти ее: вода была мутной и наверняка очень холодной, мочить ноги в ней не хотелось. Арам, как всегда, проявил смекалку:

– На фига нам обоим лезть в воду, один понесет другого, только надо жребий кинуть.

Мы стали по очереди кидать камешки в телеграфный столб на другом берегу, стараясь попасть по нему. Я проиграл, поэтому снял кроссовки, запихнул в них носки и отдал Араму, который ловко вскарабкался у меня по спине и уселся на плечи.

– Ну давай, лошабочка, погнали! Цок цок цок!

Сказав ему, чтобы не очень то там резвился, если не хочет, чтобы я его скинул в реку, я, осторожно ступая по скользким камням, стал входить в воду. Вообще то речушка была маленькая, летом совсем мелела и походила на ручей, который можно было перепрыгнуть, но весной из за тающих снегов высоко в горах она набирала мощь, разливалась в ширину метров на десять, и поэтому когда я добрался до середины, ледяные потоки покрывали мои ноги выше колен. Я изо всех сил старался удержаться, чтобы не упасть, и пару раз был к этому близок, но, миновав середину реки, почувствовал, что пробираться стало легче, да и течение у другого берега было намного слабее.

И только я снова воспрянул духом, как вдруг среди журчания воды услышал тихий свист над головой. Не знаю, как Арам умудрялся, но свистом он мог выразить любые эмоции, и сейчас свист выражал конкретную тревогу.

Я остановился:

– Что такое?

– Длинный, ты только не упали, ладно? Сюда, кажется, бежит физрук.

Я поднял голову, но ничего выше уровня кустарников на пологом берегу не смог разглядеть.

Арам коленками пару раз сдавил мне шею, как будто прищипоривал коня:

– Чего встал? Иди, все равно смыться не получится. Не ссы, Маруся, чегонибудь придумаем.

Я уже почти вышел на берег, когда через кусты продрался запыхавшийся учитель физкультуры в своей неизменной синей спортивной форме с расстегнутым почти до пуза верхом.

Арам тихо шепнул мне в ухо:

– Придумал вроде. Ты только рот не открывай, и все будет хорошо.

Физрук подошел близко к нам и, все еще тяжело дыша, подергал себя за ус и негодуяще прокричал:

– Насчет Арама я не удивляюсь, ну а ты, ты то как мог нарушить правила кросса?!

Я старался не смотреть на него, пользуясь тем, что был занят высаживанием Арама с себя.

– Ой, моя нога! – только коснувшись земли, Арам сел и стал громко стонать, обхватив стопу.

– Что с ней? – физрук присел. – Дай ка посмотреть!

– Упал и вывихнул, когда спускался по тропинке, – простонал Арам.

– Не, на вывих не похоже, скорее растяжение или разрыв связок. Вот тут болит? – учитель тронул его повыше стопы.

– Ой ой ой о о ой! – кричал Арам.

У физрука был довольно перепуганный вид, шутка ли – на его кроссе ребенок получил травму.

– Так. Держись за шею, – Арам послушно обнял его, и физрук, правой рукой взяв его под коленями, поднял на руки. – А ты, когда обсохнешь, прямиком иди к директору в кабинет, понял? – бросил он мне через плечо.

Такая перспектива мне вовсе не улыбалась, поэтому я довольно долго грелся на солнышке, потом не спеша обулся и побрел к школе. Физкультура была последним уроком, я переодевался в пустом классе и как раз натягивал брюки, когда в дверь заглянул директор с портфелем в руке.

– А, пришел? Чего так поздно, мне уже уходить пора. А ты, – он подошел ко мне быстрыми шагами и потрещал по голове, – молодец, мы гордимся тобой. – И так же быстро вышел, оставив меня застывшим в позе с одной штаниной.

Вечером я заглянул к Араму и застал его сидящим в кресле перед телевизором, правая нога лежит на пуфике, лодыжка перевязана бинтом.

– Садись, – он кивнул головой на диванчик, – мать всех детей к соседке пристроила на час, в кои то веки телик можно спокойно посмотреть.

– Что происходит вообще? У тебя что, нога болит? – спросил я, садясь рядом на диванчик.

– Ты, длинный, хоть и отличник, а только тупой какой то, не обижайся. Растяжение у меня, понял? Нога должна быть в покое и неделю нельзя в школу ходить, – довольно сказал он.

Потом он вытянул шею, высматривая Фриду. Та была, видимо, на кухне и не видела нас. Арам встал и несколько раз высоко попрыгал на ногах, затем занял прежнюю позицию, водрузив ногу на пуфик.

Явно наслаждаясь моим растерянным видом, Арам стал объяснять:

– Смотри. Я нарушил кросс и решил спуститься по тропинке, подвернул ногу и упал. Ты сверху услышал, как я зову на помощь, спустился и перенес меня через реку. Неужели непонятно, длинный?

– Ну спасибо... – все еще растерянно произнес я. – Слушай, а физрук чего?

Арам пожал плечами:

– Подумаешь, двойка в четверти, из за какой то физкультуры никого на второй год не оставляют, тем более что по другим предметам нормально ведь у меня все. Ладно, принеси мне из кухни яблоко и давай кино смотреть, мне теперь все можно.

Надо сказать, что к концу четверти физрук все таки сжалился над Арамом и поставил ему тройку в четверти, видимо, по указке директора или сам передумал, не знаю, но четвертый класс Арам закончил без единой двойки.

Был конец мая, когда Фрида испекла по такому поводу огромный черно белый торт под названием «Бони Эм» и пригласила вечером меня с мамой к ним в гости. Торт был жутко вкусный, и мы с Арамом так обожрались, что, выйдя во двор, поняли, что не в силах подтянуться на турнике больше одного раза.

На следующий день родители должны были отвезти меня с сестрой на все лето опять в деревню, так что мы с Арамом в тот вечер долго шлялись по городу и расстались только тогда, когда стемнело уже так, что с трудом можно было шагать по неосвещенным улочкам. Мы расстались на мосту, обнявшись совсем по взрослому и похлопав друг друга по спине, не догадываясь, что больше никогда не увидимся.

В начале августа нас с сестренкой в очередной раз навестили родители. Вечером, после позднего обеда, мы с мамой сидели на деревянной теплой ступеньке крыльца, когда мама достала из сумочки письмо на двух страничках и молча протянула мне. Письмо было от Фриды, содержимое не сразу дошло до меня, но постепенно я понял главное, то, что Фрида переехала с семьей в Израиль, к сестре. Навсегда.

На последней странице была приписка корявым почерком с наклоном влево, как писал Арам. «Привет, длинный! Жалко, что я уехал, не получится нам подраться за школой. Повезло тебе. Шучу. Тут очень жарко, но клево, что море рядом, ходим каждый день, правда, плавать еще надо научиться. У меня для тебя подарок, я знаю, ты всегда хотел его. Сходи на холмы, он в том дубе. А еще мне тут как то грустно, так что я тебя обнимаю, длинный, бывай».

Почувствовав, что я вот вот разревусь, мама ласково обняла меня и прижала к себе.

Ангел. 1982

Бабушка распахнула шторы и проворчала:

– Сколько можно спать, день давно на дворе!

Утреннее летнее солнце ворвалось через щели в зеленых деревянных ставнях, широкими теплыми полосами освещая пляшущие пылинки в воздухе. Комната, в которой спали я, младшая сестренка и две двоюродные сестры, отделялась от гостиной белой застекленной панельной перегородкой.

Сестры были младше меня, я только-только вступал в подростковый возраст, сильно подрос за последний год, остро ощущая чрезмерную худобу и неуклюжесть.

Бабушка намазала бутерброды маслом и медом, мне – без меда, так как у меня болел коренной зуб слева.

– Доедайте и марш за водой, по десять раз каждый. Мыть вас буду.

Я сказал, что не хочу сегодня мыться, чем разозлил бабушку.

– Это еще что такое? Думаешь, вымахал и можешь свои порядки устанавливать? – прикрикнула она. – Мыться не будете, вши заведутся, и что я вашим родителям скажу?

Деревянная лестница со второго этажа двумя пролетами спускалась в центр сада, по периметру обложенного каменной кладкой. Во дворе с раннего утра до захода солнца слышалось кудахтанье беспокойных кур и гудение пчел.

На первом этаже двухэтажного дома была тихая и полупустая комната со старым диваном и сундуком, набитым дядиными книгами. В жаркие дневные часы моим излюбленным занятием лежать на диване и читать. На крыльце стояла готовая батарея ведер и бидонов разных размеров, которые бабушка выдавала нам согласно возрасту.

– Десять раз, – строго напомнила бабушка, – буду считать!

Улочка, обсаженная тополями, делала крюк и заканчивалась у старой церкви из темного замшелого туфа. Тут же был и единственный на все село родник, который бил сильной струей из бронзового наконечника, торчавшего из полуразбитого хачкара. Вода набиралась в длинную поилку, возле которой толпились вперемешку куры, гуси и воробьи.

Здесь было место встреч деревенских женщин, которые не торопились расходиться, делясь новостями и судача обо всем. У входа в церковь на плоских, нагретых солнцем камнях всегда сидели несколько старушек в платочках.

Очередь за водой была с двух сторон родника и, как правило, продвигалась быстро, так как струя была так мощно, что ведро заполнялось буквально за несколько секунд, и нужно было изловчиться, чтобы не обрызгаться. Плиты перед родником были мокрые и скользкие, несмотря на сильную жару.

На пятом по счету походе за водой, когда я наполнял и отдавал сестричкам их ведерки и бидончики, я увидел в противоположной очереди высокую девочку, явно не деревенскую, одетую по городской моде, в белой кофточке, слишком короткой по деревенским меркам синей юбке и белых колготках. Она весело смеялась и говорила о чем-то с другой девочкой, смуглолицей толстушкой в длинном сарафанчике.

Я, перед тем как заполнить свои ведра, пропустил стоявшую сзади женщину с бидоном в одной руке и младенцем в другой, а затем и толстушку. В итоге оказался лицом к лицу с длинноногой девочкой в белых колготках, и чем больше я на нее смотрел, тем больше она мне нравилась. Она оказалась чуть ли не на голову выше меня, большеглазая, с немного полными щеками и черными вьющимися волосами до плеч. На шее висел небольшой блестящий на солнце медальон.

Незнакомка смело улыбнулась, отчего на щеке появилась ямочка. Я вдруг увидел себя со стороны – худой неуклюжий мальчишка, с ободранными коленками, пропустил свою очередь,

чтобы таращиться на красивую взрослую девушку-старшеклассницу. Но в этой улыбке незнакомки и ясном искрящемся взгляде мне почудилось, что она одобряет мою уловку. Никому я так долго не смотрел в глаза, и продолжал бы смотреть, если бы она не рассмеялась:

– Ну, чего ждешь? Наливай.

Я моргнул, попытался что-то сказать и жестом показал ей, что уступаю. За моей спиной кто-то недовольно заворчал.

На обратном пути я чувствовал, что лицо у меня горит, оставшиеся походы к роднику пролетели незаметно. Каждый раз, огибая церковь, я искал глазами в толпе у родника белую блузку и синюю юбку, но, видимо, в том доме, куда она приехала погостить, сегодня был не банный день.

Вечером бабушка по очереди купала нас в большом тазу и, когда дошла моя очередь, я заявил, что сам помоюсь.

– И чтобы обрызгал мне весь пол? – рассердилась бабушка. – Совсем неуправляемый стал, что ли? Давай раздевайся.

После купания я отправился поиграть во карты к Валерику, который жил двумя домами подальше от нас. Его из Тбилиси привозили обычно на все лето, как и нас из Еревана. Но по сравнению с нами его пребывание в деревне было просто королевским. Во-первых, ему повезло с бабушкой, которая не контролировала каждый шаг. Во-вторых, у него водились деньги, и он мог покупать сладости в деревенском магазине. И в-третьих, у него был переносной японский кассетник. Он делился со мной своими благами, больше из-за того, что я обладал лучшей в мире рогаткой и временами одалживал ее на пару часов.

Валерик, полненький и громогласный, несмотря на то, что был еще невелик, на все имел готовое мнение и, казалось, был в курсе всего на свете.

Я боялся, что он поднимет меня на смех, но все равно почему-то не удержался и рассказал ему про встречу у родника. Когда я описал девушек, Валерик облизнул ложку, которой ел халву из банки, и заявил:

– Знаю, кто такая. Тоже из Тбилиси, Анжела зовут, приезжает сюда к двоюродной сестре, на лето. Ася зовут сестру, ее мать какой-то дальней родственницей моей бабо приходится.

Потом добавил, начав тасовать карты:

– Мне бабо не разрешает к ним ходить, когда эта Анжела у них. Не связывайся с ней, она старше тебя. К тому же испорченная.

– Это в каком смысле испорченная? – поразился я.

– Ну, мини-юбку носит. Шуры-муры крутила с кем-то, встречалась, говорят.

– Ну и что, что встречалась?

Валерик как-то противно скривил губы.

– Уж не знаю, что они там на этих встречах делали, – хихикнул он.

Я разозлился:

– Ни фиги не знаешь, а языком треплешь. Еще раз про нее так скажешь – по башке врежу!

Мы с Валериком уже несколько раз в драках выясняли отношения, и он знал, что я сильнее его, так что он просто промолчал. Играл я невнимательно и проиграл партию.

– Влюбился, что ли? —Валерик кинул на меня взгляд поверх карт.

Я строго посмотрел на него, но, убедившись, что он не собирается смеяться, отбросил карты и сказал как можно равнодушнее:

– Просто неохота играть сегодня.

Валерик с задумчивым видом собрал карты в колоду и прищурил левый глаз, как делал всегда, когда решался на какой-нибудь дерзкий шаг.

– Отдашь рогатку на неделю, если познакомлю?

– Еще чего! Зачем мне с ней знакомиться?

Валерик пожал плечами.

– Мне показалось, тебе хочется. Зачем тогда расспрашивал о ней?

Из кухни послышался зычный голос:

– Валери-и-ик! Я пошла к соседям! В чайнике шиповник с медом заварила.

– Хорошо! – крикнул в ответ Валерик и спросил меня, – ну что, давай решай. Или боишься?

Мы пошли на кухню и разлили горячий напиток в эмалированные кружки.

– Нет, на две недели. – сказал Валерик, глядя на меня и отхлебывая из кружки.

Я к этому моменту уже решился и был на все согласен, но все же сказал:

– Посмотрим. Еще ничего не сделал, а уже торгуешься. Мы же не можем просто так взять и пойти к ним домой? Или что?

– Вставай, долго идти. Они под той горой живут, где кладбище. По дороге что-нибудь придумаем.

Во дворе Валерик спохватился, что не захватил магнитофон, и вернулся в дом, а я вышел на дорогу, по которой пастухи с криками гнали коров и овец. Уже вечерело, жара спала, скалы на вершине горной гряды за окраиной деревни отдавали багровым от заходящего солнца.

Я одновременно и хотел, и страшился возможной встречи с Анжелой. Хотел, потому что весь день прокручивал в памяти детали встречи и не мог от этого избавиться. А боялся того, что опять выставлю себя идиотом, впавшим в ступор, как там, у родника. Да и о чем мне с ней говорить, со старшеклассницей? У нее ведь другие интересы наверняка, круг знакомых из сверстников. Что такое гадкое Валерик говорил про нее?

Я на миг зажмурился и тут же ясно увидел темно-карие глаза вблизи, и улыбку с ямочкой на щеке. Нет, не может она ничего плохого сделать!

Возле домов хозяева встречали своих овец и загоняли их во дворы, либо ухватившись за мохнатые шкуры, либо просто пинками давая нужное направление. Блеяние овец, коровье мычание и лай пастушьих собак, к которым присоединялись все собаки в деревне, – в этой какофонии никакого магнитофона, конечно, слышно не было.

Деревня была большая, а идти пришлось чуть ли ни в самый ее конец. Тут царил тишина, солнце зашло и стало быстро темнеть. Каменистая узкая дорога, поднимающаяся в гору, была мне знакома, по ней мы часто забирались на кладбище, чтобы поиграть там в прятки или, забравшись повыше к ложбине на верхушке горы, поваляться в высокой траве.

По дороге мы не смогли придумать ничего толкового, как нам напроситься в гости, к тому же изрядно стемнело, мы устали и немного приуныли.

Но когда Валерик остановился и кивнул в сторону дома с ярко освещенной верандой, еле видимого из-за фруктовых деревьев, у меня забило сердце.

Я думал о том, что Анжела где-то рядом, и от этого почувствовал теплоту внутри. Валерик включил кассетник, и едва братья Вее Gees сыграли вступление, как вдруг где-то рядом зашлась резким лаем собака. Это было настолько неожиданно в вечерней тишине, что мы посмотрели друг на друга с явным намерением дать деру оттуда. Но Валерик быстро сориентировался.

– Похоже, это их овчарка, за воротами, – сказал он. – Сейчас кто-нибудь выйдет.

Он прибавил звук магнитофона и собака за воротами стала лаять еще громче.

Я вдруг испугался того, что Анжела и Ася тут же догадаются о цели нашего прихода. Скорее всего, Анжела уже рассказала ей о неуклюжем худом остолопе возле родника, который при виде нее словно воды набрал в рот. Вот потеха будет для них! Я сказал:

– Слышишь, пойдём! Давай в другой раз!

– Сдрейфил что ли? Все нормально.

Я уже приготовился к тому, чтобы развернуться и убежать, но в этот момент Валерик произнес:

– Смотри, вроде кто-то выходит!

И правда, калитка в створе ворот приоткрылась, и оттуда появилась женская голова в белом платке. Свет ручного фонарика ударил нам по глазам, заставив зажмуриться. Женщина что-то крикнула, но мы ничего не расслышали, пока Валерик не убавил звук магнитофона.

– Валерик, ты, что ли?

– Да, тетя Мариам, с другом, с кладбища возвращаемся, – бойко соврал Валерик.

Тетя наконец выключила фонарь и сказала:

– Чего стоите? Заходите, мы как раз гату в тонире испекли.

Я продолжал стоять на месте, но Валерик схватил меня за рукав и чуть ли не насильно потащил за собой.

Когда мы зашли во двор, замолкнувшая было овчарка снова зашлась лаем, но, завидев, что мы с хозяйкой, подбежала и завиляла хвостом. Двор был небольшой и хорошо освещался, от калитки веером расходились несколько дорожек, выложенных плоскими камнями.

Тетя Мариам схватила собаку за ошейник и сказала нам, махнув рукой в сторону здания, темнеющего справа от дома:

– Идите туда, а я пока Мухтара на цепь посажу.

Мы дошли по крайней дорожке до старой, просевшей от времени пекарни. Постучавшись и не услышав ответа, мы толкнули растрескавшуюся дубовую дверь и вошли внутрь. Внутри было заметно теплее, чем во дворе, ароматно пахло выпечкой. Электрического света не было, и поначалу мы лишь шурились, пытаясь привыкнуть к скудному освещению лампы и пары свечей, стоящих на земле возле тонира.

– Кто там? Валерик? – раздался оттуда голос, который спустя несколько секунд добавил, – осторожней, там ступенька!

Но было уже поздно. Я, шагнув в пустоту, покачнулся, не удержался на ногах и растянулся на твердом земляном полу. Раздался короткий смех, затем с лампой в руке кто-то подошел ко мне. Правое колено сильно саднило.

Я поднял голову, скользнув взглядом по белым колготкам, и уставился на нее, позабыв о боли. Она что-то спросила, и я точно так же, как утром возле родника, ничего не расслышал, наблюдая лишь за движением красиво изогнутых губ и неуловимо появляющейся ямочкой на щеке.

– Сильно ушибся? Где болит?

Я согнул ногу и показал, колено успело опухнуть, а небольшая царапина слегка кровоточила.

– Вот почему не надо в деревне в шортах ходить, – нравоучительно заявил Валерик у меня за спиной, – был бы в штанах, ничего бы не было. Как дела, Ася? А мы мимо проходили, твоя мама увидела нас и позвала гату есть.

Я почувствовал, что краснею от такого вранья, но успел подумать о том, что в темноте никто этого не увидит. Анжела поставила лампу на землю и присела, отчего ее лицо оказалось совсем рядом.

Ася тоже присела на корточки, осмотрела колено и вскрикнула:

– Надо йодом помазать. Не трогай, я схожу в дом за ним!

Валерик положил магнитофон, потом незаметно отвесил мне щелбан в затылок и крикнул Асе вслед:

– Подожди, вместе пойдем!

Все произошло так быстро, что я не сразу осознал, что мы с Анжелой сидим рядом, совсем одни, под тихо звучащую из магнитофона музыку – «Отель „Калифорния“». Я смотрел, как желтоватый свет керосиновой лампы огоньками плясал в ее темных глазах.

– Ну что, сильно болит?

Голос был немного низкий и протяжный. Я мужественно помотал головой. Она улыбнулась. Зубы белые, передние два чуточку длиннее остальных.

– Только сейчас поняла! Ты же немой?

Я прочистил горло и попытался что-то сказать, одновременно снова отрицательно покачивая головой.

– То есть говорить ты можешь. Кивни, если да.

Я кивнул. Она не выдержала и прыснула от смеха, потом сделала страшные глаза и произнесла шепотом:

– Принца заколдовала злая ведьма. А я добрая фея, и сейчас попробую тебя расколдовать, закрой глаза!

Я почувствовал на лице легкое дыхание, затем ее горячие мягкие губы мимолетно коснулись моих. Я сидел с закрытыми глазами, не дыша, пока она вновь не засмеялась.

– Открывай глаза, принц! А теперь можешь говорить?

Я открыл глаза, голова немного кружилась, и я снова закрыл их.

– Какой хитрый принц! – продолжила она со смехом. – Не надейся, больше расколдовать не буду, все равно не помогает!

Я открыл глаза и начал смеяться вместе с ней. Анжела одним легким движением вскочила на ноги и протянула руку, помогая мне встать.

– Хватит на земле сидеть, еще и простудишься. Пойдем погреемся!

Я встал и скрипнул зубами, чтобы не застонать, но она заметила, как скривилось мое лицо. Откинув волосы руками, она сняла с шеи медальон на веревочке, приложила его к губам и протянула мне.

– Вот, будешь прикладывать к колену. Эта монетка с ангелом, энджел называется. Бабушка подарила, говорят английские короли таким лечили людей.

Я пощупал круглую рельефную монету, для настоящей она была слишком легкой. Я поднял голову, ее глаза были серьезными.

– Только не смейся, ладно? Она не настоящая, это копия, но тоже помогает, честно. Не говори про него никому, хорошо? Заживет – вернешь.

Я засунул медальон в карман, и в это время сзади скрипнула дверь и кто-то сказал:

– Валерик, не забудь про ступеньку!

Мы с Анжелой рассмеялись.

– Ну, раз смеются, значит ничего страшного, – это был голос тети Мариам

За ней шли Валерик и Ася с чайником и кружками на подносах. Когда мое колено было обработано йодом и забинтовано, мы стали усаживаться вокруг тонира. Я сел на теплые камни, которыми был обложен край колодца, и осторожно свесил туда ноги. Приятная, почти горячая волна шла снизу, где на самом дне тлели угли. Валерик сидел слева от меня, а Анжела справа.

Ася протянула мне алюминиевую кружку с чаем и спросила:

– Ну как, болит?

– До свадьбы заживет, – хохотнул Валерик.

Тетя Мариам отломила кусок от круглой плоской гаты, лежащей на низком деревянном столике, протянула мне и сказала:

– Да через неделю и следа не останется от этой ранки.

Валерик не мог уговориться:

– Ну, значит, через неделю можно готовиться к свадьбе!

Ася тоже засмеялась, и, судя по тому, как она поочередно кидала взгляды на меня и Анжелу, этот дебил Валерик явно проболтался ей.

Я не удержался и толкнул его локтем, отчего он пролил горячий чай на себя, вскрикнул и уронил кружку вниз.

– Вай мэ! – он возмущенно посмотрел на меня. – Чай горячий, я обжегся!

– Не такой уж горячий, – пробормотал я, отхлебнув для наглядности из своей кружки.

А Анжела добавила:

– Ничего, до свадьбы доживет.

Теперь рассмеялись все. Тетя Мариам принесла нам длинный металлический прут с загнутым острым концом, которым достают готовый лаваш из тонира.

– Вытаскивайте кружку, а я пошла, скотину еще подоить надо. Только смотрите, сами в тонир не упадите.

Валерик заявил, что он доставать кружку не будет, лучше музыку для нас подберет. Я доел свой кусок гаты, стараясь жевать правой стороной, чтобы зуб от сладкого не разболелся, отложил чай и взял в руки прут. Мы опустили головы и стали вглядываться в глубокое дно колодца. Угли еще тлели, но не так сильно, чтобы можно было что-либо разглядеть.

Ася встала, принесла откуда-то пару газет, скомкала и кинула вниз. Они мгновенно вспыхнули, освещая закопченные черные стены.

– Вон кружка! – крикнула Анжела.

Я и сам ее увидел и попытался поддеть за ручку, но ничего не вышло.

– Дай-ка я попробую.

Анжела взяла у меня прут и попробовала сама, но тоже не добилась успеха, к тому же газеты уже успели сгореть дотла.

Валерик к этому времени нашел и включил какой-то заунывный блюз.

– Э, ничего без меня не умеете. Ась, не принесешь еще газету?

Но у него тоже ничего не получилось. Мы провозились где-то около получаса, отбирая друг у друга прут и посылая Асю за газетами. В итоге Ася попросила дать ей тоже попробовать и с первой же попытки подцепила и вытащила кружку.

Мы сидели и болтали при свете свечей, грея ноги в остывающем тонире. Моя робость улетучилась, я чувствовал себя легко и радостно, несмотря на то, что разговор велся серьезный, о привидениях.

Ася, сидящая напротив меня, шепотом поведала о том, что по ночам в полнолуние на кладбище приходят привидения и издают жуткие звуки. Я, хоть и слышал от бабушки, что это шакалы воют на горе повыше кладбища, почему-то притворялся, что верю этому. Анжела сидела так близко, что наши колени и плечи соприкасались. Мы с ней часто переглядывались, и я видел по ее смеющимся глазам, что она тоже притворяется, будто ей страшно.

Валерик, округляя и без того круглые глаза, соглашался с Асей, добавив от себя, что знает одного мальчишку, который в такую ночь оказался на кладбище и с тех пор стал заикой, не может толком ничего сказать, и еще вдобавок бедняга окосел с той поры. Валерик свел глаза к переносице и показал, как сейчас выглядит косой мальчишка.

– Да, я тоже о нем слышала! – с жаром сказала Ася.

Мы с Анжелой переглянулись и одновременно прыснули со смеха. Валерик презрительно посмотрел на нас и сказал:

– Да что с вами разговаривать, тили-тили-тесто!

От этого нам стало еще смешнее. Потом я постарался сделать серьезное лицо и сказал:

– А хотите по-настоящему страшную историю?

Валерик недоверчиво сжал губы, но Ася и Анжела одновременно сказали:

– Хотим!

Я начал пересказывать «Черного кота» Эдгара По, которого недавно прочитал. Все слушали очень внимательно. Я, не поворачивая головы, ощущал взгляд Анжелы, и от этого красноречие мое только усиливалось. Только я добрался до мести черного кота, как вдруг скрипнула дверь, и все вздрогнули, а Ася даже вскрикнула. Вошедшая тетя Мариам объявила, что уже поздно и нам пора домой.

– Ну ма-а-а-м, – захныкала Ася, – тут такой рассказ интересный.

– В следующий раз. Полночь почти, а им еще на другой конец деревни идти.

Мы поднялись, свет свечей заколыхался, и в полутьме я ощутил, как Анжела пальцами легонько сжала мою ладонь. Она быстро шепнула:

– Хочешь, завтра поднимемся на гору, где старая мельница? Там такое лавандовое поле, с ума сойти! Зайду за тобой днем, жди.

Я кивнул, мы с ней переглянулись и отошли друг от друга.

Когда я и Валерик попрощались и вышли, на улице было уже прохладно, светила полная луна, вдалеке завывала собака.

– Ну что, доволен? – спросил Валерик. – Когда рогатку отдашь?

– Что? Какую рогатку? – рассеянно спросил я, но потом вспомнил. – А-а, утром получишь.

– Может, сейчас зайду к тебе и отдашь?

Я подумал о бабушке и согласился, с условием, что он возьмет на себя ответственность по поводу нашего позднего прихода.

– А что я ей скажу?

– Не знаю, придумай что-нибудь, у тебя это хорошо получается.

Так оно и вышло. Бабушка, не заметив забинтованную ногу, с порога накинулась на меня и полусшепотом, так как все в доме, видимо, спали, стала посылать на мою голову такие изысканные проклятия, какие знала только она. Валерик сказал, что по это по его вине мы заигрались в карты. Потом незаметно получил от меня заслуженную рогатку и ушел.

Мне не спалось, я лежал в постели с открытыми глазами и улыбался в темноту. В голове не было мыслей, только образы, сменяющие друг друга. Какая-то неведомая до этого восторженность переполняла меня, сердце билось учащенно, и я даже ощущал пульсацию по всему телу.

Спустя какое-то время сердцебиение пришло в норму, я перестал улыбаться, но сон все равно не шел. Поворочавшись еще в постели, я почувствовал, что больше не в силах лежать. Встал, бесшумно оделся и, прокравшись на цыпочках через гостиную, вышел в прихожую, стараясь не скрипеть половицами, отворил дверь и вышел наружу. Уселся на верхнюю деревянную ступеньку лестницы, обнял себя за колени и положил на них голову. При свете луны весь двор напоминал застывшую серебристую картинку с черными пятнами теней от деревьев. Ни единого дуновения ветра, ни лая собак – тишина стояла такая, как будто ватой заложили уши. Я полез за пазуху и вытащил монетку. По ободку шла какая-то надпись, больше похожая на узор. На одной стороне был крест, на обратной удалось разглядеть маленькое грустное лицо и два больших крыла.

Я приложил монетку к колену и посмотрел вдаль, на темный огромный силуэт возвышающейся горы. Представил, как мы с Анжелой, убежав ночью из дома, поднимаемся на эту гору. Собираем там огромный букет розово-фиолетовых цветов, потом сидим на плоском камне на самой вершине, взявшись за руки, и смотрим вниз, на эту красоту. Мы понимаем друг друга без слов, и даже можем полететь, если захотим. Постепенно мир внизу начинает просыпаться, первые петухи подают голос, раздаются мычание коров, собаки начинают утреннюю переключку. Край неба на горизонте начинает светлеть, луна меркнет, и мы с минуты на минуту ожидаем восхода солнца. Анжела берет меня за плечо повыше локтя и сильно сжимает.

– Просыпайся, оболтус! Ты что, лунатик что ли? Почему не в постели?

Я зевнул, протер глаза и оглянулся. Бабушка стояла надо мной и трясла за плечо. Рассветело, петух под лестницей кричал изо всех сил. Я попытался встать, но ноги так затекли, что я снова сел, застонав. К тому же ушибленная коленка больно стрельнула.

– Что это с ногами? Это так вы вчера в карты играли?

Бабушка осторожно развязала бинт на ноге и осмотрела ранку.

– Сиди, сейчас приду.

Она вернулась с банкой прополиса, наложила новую повязку и отправила меня в постель.

Я проснулся далеко за полдень, в доме было жарко и тихо, сонно жужжала муха на окне и тикал маятник в гостиной. Я посмотрел на циферблат – начало третьего! А вдруг Анжела уже пришла?

Я выбежал на крыльцо второго этажа. Жаркое солнце палило изо всех сил. Внизу, в тени лестницы, сестры шумно игрались со скакалкой. По всему периметру за каменной оградой нашего сада не было видно ни души, за исключением нескольких кур.

Я испытал некоторое разочарование, но вслед за этим испытал чувство облегчения. Если Анжела забыла либо передумала приходить, может, это и к лучшему? Что мы с ней будем делать вдвоем, о чем буду говорить с ней? Не содержимое же книг пересказывать!

Бабушка, собиравшая внизу зелень с грядки, разогнулась и крикнула мне:

– Умывайся и иди за стол, сейчас приду кормить тебя.

Обеденный стол стоял под окном, я без аппетита ковырял вилкой в тарелке, время от времени поворачивая шею и выглядывая наружу. Краем глаза я замечал, как бабушка, сидевшая напротив, внимательно следит за мной.

Анжелу мы увидели почти одновременно. В той же белой кофточке, что и вчера, она неожиданно появилась из узкого переулочка и зашагала по направлению к нашему дому. Высоко подняв голову, она, казалось, улыбается и смотрит сквозь стекло прямо на меня.

Я втянул голову и слегка отодвинулся от окна, а бабушка встала.

– Пока не доешь, из-за стола нельзя выходить.

Она прошла мимо меня и вышла наружу. Хлопнула дверь, я вздрогнул, вскочил и кинулся вслед за бабушкой. Положил руку на ручку, распахнул было дверь, но снова притворил ее, оставив узкую щелочку. Бабушка спустилась по лестнице, отворила калитку и что-то сказала Анжеле, после чего та повернулась и ушла той же дорогой.

Бабушка вернулась и села на свое место.

– Что ты ей сказала? – спросил я.

– Садись и доешь.

Я сел и повторил вопрос.

– Сказала, что ты сегодня не сможешь никуда пойти.

– Почему?

Она строго посмотрела на меня.

– Потому что я ходила на почту, звонила твоей маме. Она сказала, что договорилась на сегодня с доктором по поводу твоего зуба.

Я стал было что-то возражать, но она повысила голос.

– ... так что доешь и переоденься, через сорок минут автобус в город едет, времени мало, еще до дороги дойти надо.

Спустя полчаса бабушка посадила меня на автобус, заплатив водителю. А еще через пару часов меня в городе встретила тетя, мамина сестра, но к зубному мы пошли только на следующий день. В то лето меня обратно в деревню не отправили, и Анжелу больше я не видел.

Позже выяснилось, что бабушка в то утро провела целое расследование, а так как в деревне ничего ни от кого не скроешь, выяснила, где и у кого мы с Валериком провели вечер, и ужаснулась. Желая спасти меня от «распутной» Анжелы, она договорилась с мамой и спешно отослала меня в город.

Первое время презрение к себе буквально душило меня, я замкнулся в себе, заодно перестав на несколько месяцев разговаривать с мамой. Папа пытался вести со мной разговоры как с мужчиной, и кончилось это тем, что я и с ним перестал говорить. Я видел, что родители очень сильно переживают, а по утрам у мамы часто бывают заплаканные глаза, и в итоге решил пожалеть родителей, хотя и не простил им такого предательства. Как не простил и себя.

Весь год я хранил медальон, тщательно пряча в укромных местах, и с особым нетерпением ждал лета. Когда наконец в первых числах июня мы приехали в деревню, и бабушка с

дедом, ахая, получали городские гостинцы, я постарался улизнуть и пойти к Валерику, зная, что его всегда привозят в деревню пораньше.

– Куда это ты? – окликнула бабушка.

– К Валерику, а что?

– А то, смотри у меня, чтобы не повторилось, как в прошлом году.

Мама сказала бабушке:

– Ну мам, что ты опять?

– А ты не затыкай мне рот! Небось, побольше твоего знаю, – осадил ее бабушка и повернулась ко мне, – чтобы ноги твоей рядом не было с этим домом на горе. Узнаю – через калитку сюда не впущу.

Я посмотрел на маму, она кивнула и выдержала мой взгляд.

Валерик за год догнал меня по росту и стал смелее. С порога нагло сообщил, что рогатки нету, украли в Тбилиси.

Я сел на знакомую тахту, а он притащил новый кассетный магнитофон и стал им хвастаться. Я, не в силах больше терпеть, спросил про Анжелу.

– Тю-тю твоя Анжела, залетела и чуть было не родила, – ошаршил меня он. – Кто-то обманул ее, что ли. Хорошо еще, родители вовремя вмешались. Но отец все равно из дома выгнал.

Пока я пытался понять, как Анжела может рожать, и почему ее выгнали из дома, Валерик продолжил:

– Мать месяц назад привезла ее сюда, к своей сестре, Асиной матери. Подальше от Тбилиси, – он по-взрослому сплюнул, – а только все равно вся деревня уже знает ее историю.

– Так она, что... – я сел, – тут, что ли?

– Ну да, а куда ей еще деваться? Но я ее не видел, из дома почти не выходит. Да и из деревни никто к ним не ходит, – сказал Валерик и назидательно добавил, – говорил же тебе, испорченная она.

Я вскочил со сжатыми кулаками.

– Я сейчас этот магнитофон об твою башку разобью!

Он посмотрел на меня и испуганно обнял кассетник.

– Да будет тебе! Ну хорошо, извини, – пробормотал он, – такой же псих остался, не вырос вообще.

Я сел обратно, глядя в пустоту. Потом мне стало так нестерпимо жаль ее, что из глаза предательски выкатилась слезинка. Валерик удивленно хмыкнул, затем подсел ближе и неловко одной рукой обнял меня.

– Знаешь, я ее как-то встретил в деревне после того, как тебя увезли. Спрашивала про тебя. – Он помолчал. – Грустная была.

Я встал, похлопал его по плечу и вышел из дома. На улице я разревелся по-настоящему. Шагнул по какой-то улочке и руками, а затем рубашкой вытирал лицо. Я дошел до родника, умылся и выпил холодной воды, потом отошел к церкви и сел на камень, хорошо прогретый солнцем. Вечерело, день стихал, у родника никого не было. Бродячая белая собака напилась из ручья, вытекающего из родника, и подошла ко мне. Выгнув спину, она потянулась и улеглась возле моих ног. Слушая журчание ручья и затихающие деревенские звуки, я гладил собаку и постепенно успокоился. Я достал медальон из кармана брюк. Мне показалось, что у ангела с закрытыми глазами особенно печальное лицо, я вздохнул и прижал монетку к губам.

Потом сунул медальон в карман, встал и зашагал прямо к дому под горой. Белая собака встала и пошла за мной.

Велосипед. 1983

Этот сон снился мне уже регулярно, а виноват был, конечно же, папа. Вернее, все эти его рассказы про тяжелое послевоенное детство, когда у детей почти не было игрушек, а про велосипеды и думать было нечего. Так вот, папа рассказывал про сны, где ему каким то образом достается новенький велосипед. Или он его находит где то на пустыре, или кто то дарит, неважно. Важно было то, что утром он просыпается, а велосипеда, естественно, нет. И он придумал, что велосипед нужно привязывать к кровати, чтобы он никуда поутру не делся. Но этот метод не срабатывал, и я всегда думал, что папа что то делал не то в своих снах, не мог толком распорядиться полученным велосипедом.

Папин сон как будто по наследству перешел ко мне после того, как неделей ранее я научился кататься на велосипеде и буквально заболел им. Велосипед был уже выдавший виды, голубого цвета, и назывался «Школьник». Принадлежал он моему двоюродному брату, Сарику, который был на два года старше меня. Мы с самого раннего детства проводили с ним много времени, к Сарику я был привязан и любил его, несмотря на то, что в последнее время он считал, что вырос и старался держать меня подальше от своих игр, забав и дружков. Мы всей семьей были у них в гостях на дне рождения тети, и когда уже близился конец застолья, взрослые стали выгонять нас на улицу, чтобы мы не мешали их разговорам.

– Я пойду на велике кататься, – заявил Сарик.

– Ну вот, как раз и научишь брата на велосипеде ездить, – сказал его отец и кивнул в мою сторону.

Брат надул щеки и презрительно оглядел меня.

– Да он еще маленький, и потом, я с друзьями буду.

Тут вмешалась тетя:

– Не выдумывай, ничего не маленький. У тебя велосипед появился как раз в его возрасте. Идите, и научи его кататься, только осторожно. А со своими дружками всегда успеешь.

Велосипед стоял в подъезде, в небольшом закутке под лестницей, рядом с двумя детскими колясками и металлическими санками.

Сарик выкатил его на улицу и сказал мне:

– Тут дорога идет вниз, ты не сможешь, иди, жди меня в парке, возле фонтана.

Он сел на велосипед, разогнался под горку и скрылся из виду. Был осенний вечер, солнце еще не село, в маленьком парке на дорожках, устланных опавшими желто красными листьями, стояли одинокие скамейки. Из круглого фонтана била слабая струя воды. Сарика с велосипедом нигде не было видно. Я обошел парк несколько раз, затем пошел по центральной улице города наверх, в сторону горного комбината, потом вернулся обратно. Напившись воды из каменного питьевого источника – пулпулака, я сел на ближайшую скамейку и принялся ждать.

Напротив фонтана находилась большая стена, по одну сторону которой был зеленый косогор, а по другую – лестница, обставленная цветочными клумбами и ведущая к зданию почтамта. На стене большая выцветшая афиша уже месяц возвещала о новом индийском фильме, который показывали в единственном в городке доме культуры – в клубе, как его называли.

Индийские фильмы шли на ура. Смуглые красавицы с горящим взором и пластичные девушки в сари и с точками на лбу, то и дело пускающиеся в пляс и запевающие высокими голосами, – эти фильмы завозили из местного райцентра на несколько недель, пока все жители от мала до велика не пересмотрят его по несколько раз и не запомнят каждый кадр чужестранных, но тем не менее понятных страстей.

Сарика все не было, и я было совсем затосковал, как вдруг трое на велосипедах лихо скатились с крутого газона и слезли, чтобы попить воды из пулпулака. Брат, большеголовый и

большелобый, ростом был самым маленьким среди них, у него и велосипед был меньше, чем у них. Сарик даже не оглянулся в поисках меня, поэтому я встал и пошел в их сторону.

– О, это не твой брательник, Сарик? – спросил самый высокий среди них, в потертых джинсах и с длинными волосами а ля хиппи.

Сарик вытер рот и повернулся.

– Мой, – с досадой сказал он. – Родичи наказали мне поучить его кататься. Как будто делать мне больше нечего, как с малышами возиться. Иди домой, – крикнул он мне, – в следующий раз, может быть.

– Да ладно тебе, – неожиданно вступился за меня высокий, – какой он малыш? Скоро с тебя ростом будет, – он ухмыльнулся и подмигнул мне.

Второй дружок, в белой майке, заправленной в расклешенные брюки, и подпоясанный ремнем с модной бляшкой в виде лезвия, сказал:

– Не жмотись, Сарик, одолжи велик брату.

Сарик набычился:

– При чем тут жмотись? Если упадет и разобьется на фиг, ты будешь отвечать?

Высокий прислонил свой велик к деревцу ивы рядом с пулпулаком и подошел к Сарику.

– Не упадет, я мастер по обучению, уже двух сестер двоюродных научил. Подойди, малыш!

Высокий хиппи и правда оказался отличным учителем. Придерживая руль, он пробежал рядом со мной несколько кругов, давая указания, а затем отпустил со словами «ну вот, дальше сам!». Ощущение полета и свободы охватили меня, когда я круг за кругом наматывал по дорожкам, взметая шинами ворохи сухих листьев. Раз два, пару движений ногами – и ты уже отмахал почти всю аллею, и никому тебя не догнать! Эйфория, охватившая меня, была такой сильной, что я уже собрался съехать с парка на дорогу и покатить куда глаза глядят, но тут Сарик стал кричать и размахивать руками. Я подъехал к ребятам, притормозил и с сожалением слез с сиденья.

– Ну вот, что я говорил? – с гордостью произнес высокий. – Не хуже тебя уже катается, Сарик.

Брат что то ему пробурчал, но тайком бросил на меня довольный взгляд. Я понял, что он гордится мной, и сразу ему все простил. Они сели на велосипеды и уехали, а я смотрел им вслед и понимал, что жизнь моя теперь изменилась.

Примерно через неделю мне приснилось, что я нахожусь в каком то парке и среди зарослей травы вижу кустарник, но он не похож на обычный. Сначала я даже не понимаю, что это велосипед. Ручки, рама, вся конструкция – это толстые стебли какого то растения, переплетенные нужным образом, гибкие, но упругие. Я сажусь на сиденье из большого толстого листа, который принимает форму моего тела, и вся конструкция так подлаживается, что я чувствую свое единение с этим чудо велосипедом. Мне даже ничего делать не надо, велосипед, если его можно так назвать, словно управляется моими мыслями: бесшумно разгоняется, паря над землей, поворачивает и тормозит.

Я подъезжаю к фонтану в центральном парке, но там нет никого. Направляю велосипед к своему дому, но во дворе тоже пусто. Мне нестерпимо хочется показать папе находку. Я знаю, что он оценит такую невероятную конструкцию, потому что он любит разные механизмы и разбирается в них. Я взбегаю по лестнице, но дома никого, я спускаюсь вниз и вижу вместо велосипеда обычный куст, один из многих, что растут во дворе.

Такого плана сны преследовали меня в разных вариациях. Конструкцию велосипеда мне никак не удавалось толком разглядеть, и только я пытался кому то его показать, как он пропал.

А наяву каждый день после школы я наспех делал уроки, чтобы помчаться во двор к Сарику и ждать сколь угодно долго, пока он не выйдет с велосипедом на улицу. Затем мне

приходилось набираться терпения, а также сносить его капризы, пока он не накается и не отдаст мне велосипед. Иногда он вообще не выходил, и я боролся с искушением подняться к ним домой и попросить покататься. А иногда ему надоедала моя навязчивость и он заявлял, чтобы отныне я больше не приходил, и что велосипеда мне больше не видать. Но я все равно упорно вечерами околачивался у брата во дворе и часто добивался своего.

Этот голубой «Школьник» я знал как свои пять пальцев. С каким усилием и сколько раз надо крутануть педали, чтобы преодолеть определенный подъем, с какой частотой нужно притормаживать, чтобы не перегрелся механизм, и больше какой скорости нельзя разгоняться, чтобы переднее колесо не било «восьмерку». Под нагрузкой и в горочку со стороны заднего колеса раздавался звук трещотки, и поначалу я думал, что так оно и надо, пока Сарик не сказал, что там какой-то дефект, но это не страшно.

Успеваемость моя в школе упала, на это было указано родителям на классном собрании, после чего на семейном совете было решено купить мне велосипед. Весной, на мой день рождения. При условии, что я закрою эту четверть без троек, а следующую – на отлично. Максимум, что мне удалось, так это выторговать пару троек в этой четверти.

Прошла осень, наступили первые заморозки, а затем и снег выпал, так что велосипедный сезон закрылся. Обычно зимой мне скучать не приходилось, особенно когда наш городок заваливало снегом. Мы до одури катались на санках и самодельных горных лыжах с крутых склонов холма за речкой, устраивали хоккейные баталии двор на двор, а на каникулах еще вдоволь смотрели новогодние программы по телевизору, со множеством детских фильмов и мультиков. Этой зимой я также занимался всем этим, но мыслями все время переносился в весну, где меня ждал мой новый велосипед.

В начале марта солнце начало подтапливать снежные завалы в городе и окрестностях, речка стала шумнее, наполняясь мутными ручейками. В горных подталлинах появились первые подснежники, которые мы, мальчишки, традиционно выкапывали к 8 му Марта из полумерзлой земли отвертками и ножичками. Весна в горах идет быстро – еще неделя, и половодье пошло полным ходом. Везде звон капели, сопровождаемый беспокойной птичьей переключкой, по улицам не пройти из-за огромных луж и ручейков, речка превратилась в полноводную бурлящую реку и того и гляди хлынет через каменные парапеты, грозя затопить близлежащие улицы. Еще через неделю все вокруг начинает стремительно зеленеть, деревья и кустарники как будто наперегонки выпускают из набухших почек нежные листочки. Весна начинает свою работу с низин, чтобы затем пробираться все выше в горы, озеленяя согревающуюся землю и заставляя отступать снежные покровы в холодные, тенистые ущелья.

Когда впервые после зимы Сарик выкатил велосипед на улицу, я был тут как тут, но в этот день мне ничего не перепало.

– Я сам хочу кататься, понял? – заявил он. – И вообще, на этой неделе не приходи.

Но я приходил, и в прямом смысле как бедный родственник смиренно поджидал его во дворе на лавочке.

Велосипедов к нам завозилось немного, и их тут же раскупали. Но из подслушанных мной разговоров между родителями я понял, что папа нашел какого-то знакомого в районном универмаге, и тот пообещал придержать один. Так что ночью, в канун своего дня рождения, я плохо спал, а утром проснулся раньше обычного и пришел на кухню, где мама готовила гренки.

Она вытерла руки передником и прижала меня к себе:

– С днем рождения!

Затем поцеловала в лоб, заглянула в глаза и улыбнулась:

– Ну что, сынок, заждался подарка? Папа уже ушел на работу, сегодня пораньше отпросится и съездит в город, в универмаг. Ему обещали, что оставят один велосипед для него.

Автобусная остановка находилась за рынком, возле городской трехэтажной гостиницы. Старенький кряхтящий пазик приползал туда каждый час, выгружал загружал пассажиров и

облегченно катился вниз, в райцентр. Я сбежал из школы пораньше и встретил уже третий рейс, от волнения не находя себе места. Наконец из за поворота внизу показался бело голубой автобус, со скрежетом меня передачи и мучительно долго преодолевая подъем. Сердце мое было готово выпрыгнуть из груди, когда папа, держа зеленый велосипед, вылез самым последним из автобуса. Я подбежал ближе.

– С днем рождения! – засмеялся папа. – Небось давно уже тут?

Металлические части велосипеда были обернуты промасленной оберточной бумагой, а руль повернут параллельно раме. Катить его в таком состоянии было не очень удобно, но я не обращал на это внимания. Неужели сбылось? Модель была другой, не как у Сарика, новее.

По пути нам попала группа мальчишек, и мне почудились завистливые взгляды. Когда мы дошли до дома, папа осторожно, чтобы не запачкаться, просунул руку под раму и взял велосипед на плечо.

– Отнесем на балкон. Надо все проверить, закрутить и подтянуть, все по инструкции.

Мама прервала наши планы.

– Сначала всем за стол! Зря я столько готовила, что ли? Да и праздник сегодня, отметить то надо?

За столом я почти ничего не съел и нетерпеливо поглядывал на папу, который, напротив, никуда не торопился и вместе с ужином опрокинул в себя три рюмки тутовой самогонки, которую привозил от своей тети, живущей в деревне. Заметив мой обеспокоенный взгляд, он подмигнул мне и встал из за стола.

– Не волнуйся, сынок, папа в норме! Иди в кладовку, возьми там ящичек с инструментами и тащи на балкон, я сейчас. И тряпку какуюнибудь!

Через полчаса, выйдя с велосипедом во двор, я благоговейно забрался на сиденье и осторожно тронулся с места. Как же чутко он слушается руля, плавно и бесшумно глотает неровности асфальта! Я сделал большой круг по городу, даже зарулил во двор к Сарика, но так и не увидел его. Уже почти стемнело, когда я, взмокший и счастливый, поднялся с велосипедом на наш этаж. Мама открыла дверь и сказала:

– Ну вот что. Ты больше так поздно домой приходить не будешь, договорились? А велосипед мы будем держать в подвале. Спускай его туда, вот тебе ключ.

С апреля наш класс перевели на вторую смену, то есть уроки начинались в три часа, так что почти весь день оказался у меня в распоряжении, поскольку еще и родителей не было дома. Как только папа с мамой уходили на работу, я делал себе бутерброды, брал бутылку воды и книгу и отправлялся куда глаза глядят. Автомобильные дороги вели среди гор по нескольким направлениям, и я изучал их понемногу, с каждым разом заезжая все дальше. Были и тропы, и заброшенные твердые дороги с разбитым асфальтом, сквозь который проросла трава. Они манили меня больше, потому что неизвестно было, куда приедешь. Они были пустынные и тихие, никаких автомобилей, только птичьи трели и стрекот кузнечиков. Совсем непролазные участки или крутые подъемы я проходил пешком, держа велосипед за руль. Я не боялся, что с велосипедом что то случится и я не смогу вернуться обратно, так как у него под сиденьем был футлярчик со всеми необходимыми ключами, был насос, а кроме того – клей для резины и резиновые заплатки на случай прокола. Я предполагал, что смогу справиться, если что то произойдет.

В один из таких походов я отыскал маленькое нетронутое местечко, которое стало моим любимым тайным уголком. В крохотной незаметной ложине между скалами была небольшая зеленая поляна, посреди которой ручей, текущий откуда то из гор, образовал прозрачную заводь. Самое интересное заключалось в том, что «моя поляна», как я про себя назвал это место, была всего в десяти минутах езды от дома, но ее почти невозможно было увидеть со стороны из за густых колючих кустов шиповника. Даже мне пришлось во второй раз хорошенько поискать. Я съедал свои бутерброды, потом ложился на траву возле ручья и следил за обла-

ками, убаюкиваемый журчанием воды. Когда в полдень становилось жарко, я перебирался под скалу, в тень, брал книгу и начинал читать что-нибудь приключенческое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.